

Г Е Р Г Е Б И Л Ь.

Давно умолкла борьба на Кавказъ, давно перестали о немъ говорить и думать; какъ будто совершенно забыли, сколько стоило труда и страданій, сколько было пролито крови, прежде чѣмъ удалось поработить населявшія его воинственныя племена. А было время, вся Россія чутко прислушивалась къ гулу орудій неумолкаемо гремѣвшихъ въ глубинѣ Кавказскихъ ущелій и лѣсовъ, и не одно любящее сердце трепетно ловило вѣсти, долетавшія на родину изъ дальнаго края, въ которомъ руками дорогихъ ему существъ справлялась непрерывная кровавая работа. Долгіе годы длилась борьба—и много, много поглотила она молодыхъ, недозрѣвшихъ силъ, преждевременно канувшихъ въ вѣчность. Но свое дѣло они сдѣлали, смѣлые бойцы за Русскую мощь: штыкомъ и саблей, погибая, вспахали они Кавказскія поля и горы, оросили ихъ своею кровью и засѣяли своими костями. А пожать плоды этого дорогаго посѣва далось не ихъ боевымъ товарищамъ, не тѣмъ, которые трудились и страдали наряду съ погибшими. Не успѣли въ бою уцѣлѣвшіе утереть потъ съ лица своего, не успѣли осушить кровь, капающую изъ свѣжихъ ранъ, какъ издалека, коршунамъ подобно, налетѣли искатели наживы безъ риска и безъ труда, и по клочкамъ разнесли землю, удобренную кровью ея настоящихъ завоевателей.

А Кавказскіе труженики, безъ усталости и безъ ропота справлявшие свою нелегкую работу, куда дѣвались они? Какая участь постигла ихъ?—Вѣрные своему призванію, одинъ за другимъ сложили они свои усталыя головы, кто на берегахъ Дуная, кто на кровью залитыхъ стѣнахъ Севастополя, кто въ Литовскихъ лѣсахъ, и лишь немногіе, переживъ удачныхъ товарищей, разсыянные по лицу земли, скромно доживаютъ свой вѣкъ полузабытыми остатками свою задачу безвозвратно рѣшившей старины.

Не одними побѣдами однако мы имѣли право хвалиться. Разныя времена бывали на Кавказѣ, времена блестящихъ успѣховъ, и времена горестныхъ неудачъ, сѣрою тѣнью лежащихъ на исторію Кавказской войны. Въ тѣ дни невзгоды счастье положительно покидало насъ; что ни задумывали, за что ни брались, все обращалось въ бѣду, ошибки громоздились на ошибки, неудача слѣдовала за неудачей. Не видя предъ собой опредѣленной цѣли, ощупью и спотыкаясь на каждомъ шагѣ шли мы, куда въ своей слѣпотѣ насъ вела самоувѣренная бездарность управлявшихъ въ ту минуту судьбами Кавказа. Одни кавказскія войска никогда не измѣняли своему долгу, никогда не роняли своей чести, и позволено прямо сказать, что на самой почвѣ сказанныхъ ошибокъ и связанныхъ съ ними поражений, выросли такіе поразительные примѣры солдатскаго мужества, которыми Русскій народъ всегда въ правѣ гордиться.

Мнѣ самому довелось быть очевидцомъ одного подобнаго случая, рѣзко подтверждающаго истину моихъ словъ, который и берусь рассказать.

Поведу рѣчь про оборону Гергебиля, и про его паденіе.

1.

На Кавказѣ, въ свое время, кажется, не было человѣка въ горахъ, да и на Русской сторонѣ, которому бы не было знакомо имя Гергебиля; а теперь, прежде всего слѣдуетъ пояснить, что Гергебилемъ называлось одно изъ многочисленныхъ Русскихъ укрѣпленій въ Дагестанѣ, въ сорокъ второмъ году построенное генераломъ Фейзе для обороны каменнаго моста на Койсу, по дорогѣ въ Хунзахъ, мимо Гоцатля. Кромѣ того, для большей понятности, нахожу необходимымъ свой рассказъ начать издавна, отъ вторженія Шамилевскихъ скопищъ въ Аварію, имѣвшаго осаду Гергебиля неизбѣжнымъ послѣдствіемъ.

Въ концѣ Августа 1843 года, когда въ горахъ были окончены полевые работы, Шамиль, находившійся тогда на высотѣ своего могущества, набралъ около 10,000 человѣкъ Чеченцовъ, Ичкеринцовъ, Ауховцовъ, Салатовцовъ, съ сѣвернаго склона горъ, и Лезгинъ изъ Гумбста и Каратая, и съ этими силами неожиданно напасть на покорное намъ Койсубулинское селеніе Унцукуль, имѣя главною цѣлью принудить наши войска очистить неподчинявшееся его власти Аварское ханство. Въ самое короткое время, съ 27 Августа по 11-е Сентября, онъ успѣлъ взять и разорить шесть нашихъ укрѣпленій, въ Унцукуль, въ Балаканахъ, въ Цатаныхъ, Гоцатль, Моксохскую и Кахскую башни, совершенно уничтожить сводный батальонъ подполковника Веселицкаго,

шедшій на выручку Уицукульскаго гарнизона, и отбить нашу атаку на селеніе Харачи. Потери наши за это время простирались убитыми, ранеными и плѣнными до 1500 нижнихъ чиновъ, 54 штабъ и оберъ-офицеровъ и 12 полевыхъ орудій, не считая чугунныхъ крѣпостныхъ, которыми были вооружены павшія укрѣпленія. Въ одномъ Цатаныхъ непріятель захватилъ болѣе 4000 пушечныхъ зарядовъ, 250,000 ружейныхъ патроновъ и 2000 четвертей муки.

Командовавшій войсками въ Сѣверномъ Дагестанѣ, генералъ Клуке-фонъ-Клугенау, при первомъ извѣстіи о появленіи непріятеля, хотя и двинулся въ Койсубу и въ Аварію съ наскоро - собраннымъ отрядомъ, но, видя себя не въ силахъ совладать съ Шамилемъ, обратился за помощію къ начальнику войскъ, занимавшихъ Казикумухское ханство, князю Аргутинскому, промедлившему до половины Сентября, когда уже отъ корпуснаго командира изъ Тифлиса ему положительно было приказано идти выручать Клуке, который тѣмъ временемъ принужденъ былъ запереться въ Хунзахѣ. Четырнадцатаго Сентября Аргутинскій соединился съ Клуке, пробившись къ Хунзаху чрезъ Гоцатлинскія высоты; но тамъ оба наши отряда со всѣхъ сторонъ были окружены непріятелемъ. Напрасно пытались они прорваться къ Гоцатлю или къ Зирянамъ. Клуке и Аргутинскій, попавъ въ западню, вмѣсто того чтобы, дѣйствуя за одно, только и заботиться о томъ какъ себя проложить дорогу, стали тратить время на безконечные споры о томъ, кто изъ нихъ важнѣе и кто лучше дѣло понимаетъ; а Шамиль тѣмъ временемъ разорялъ ханство, жегъ селенія, уничтожалъ поля и сады, Аварцовъ, способныхъ носить оружіе, убивалъ не давая пощады, а женщинъ и дѣтей уводилъ въ плѣнъ, осудивъ ихъ на вѣчное рабство у преданныхъ ему Чеченцовъ. Генералъ Нейдгартъ, въ виду этихъ прискорбныхъ событій, подготовленныхъ ошибкою барона Розена (преждевременно занявшаго Аварію Русскими войсками) и непослѣдовательнымъ управленіемъ своего предшественника Головина, приказалъ Гуркѣ отправиться въ Сѣверный Дагестанъ, принять тамъ главное начальство надъ войсками, привести въ согласіе спорившихъ генераловъ и поправить дѣла, на сколько позволяютъ обстоятельства. Отъ этого, можно сказать, слишкомъ лестнаго порученія и не одному Владимиру Осиповичу Гурко пришлось испить горькую чашу всевозможныхъ, справедливыхъ и несправедливыхъ, нареканій.

Пока дѣла эти совершались въ Дагестанѣ, у насъ *), тѣмъ време-

*) Служилъ я въ штабѣ войскъ на Кавказской линіи, подъ начальствомъ г. д. В. О. Гурко, будучи женатъ съ Ноября 1842 года.

немъ, готовились произвести экспедицію къ верховью Урупа. Наши верховья лошади, вьюки и прочія походныя принадлежности, вмѣстѣ съ отряднымъ штабомъ, давно ушли за Кубань, а въ Ставрополѣ оставались (въ ожиданіи отъѣзда по тому же направленію) командующій войсками полковникъ Бибиговъ, и вмѣстѣ со мной, на мое попеченіе отданный родственникъ мой, сынъ корпуснаго командира.

Въ день назначенный для нашего отправленія, 14 Сентября, меня неожиданно позвали къ генералу. Солнце еще не всходило. Молча передалъ онъ мнѣ предписаніе корпуснаго командира, заключавшее, вмѣстѣ съ исчисленіемъ цѣлаго ряда Дагестанскихъ неудачъ, приказаніе, времени не теряя, ѣхать въ Сѣверный Дагестанъ искупать чужіе грѣхи. Дѣло добра не обѣщало. Гурко чувствовалъ и понималъ, насколько тяжела была возлагаемая на него отвѣтственность, но отказываться не думалъ, хотя на то имѣлось много самыхъ благовидныхъ предлоговъ. Поэтому тутъ же было рѣшено генералу ѣхать ночью; мнѣ приказано отправиться немедленно съ тѣмъ, чтобы его дожидаться въ станицѣ Червленной, Гребенскаго казачьяго полка, и сдѣлано распоряженіе насчетъ привода нашихъ лошадей изъ-за Кубани въ Дагестанъ.

Дорожныя приготовленія заняли немного времени, потому что рѣшительно нечего было укладывать. Всѣ мои походныя вещи, вмѣстѣ съ лошадьми, странствовали за Кубанью, часть бѣлья и платья находилась въ Тифлисѣ, гдѣ жена гостила у нашихъ родственниковъ; двѣ рубашки, да запасная пара сапогъ, составили всю мою кладь. Поэтому, приказавъ привести почтовыхъ лошадей и отдавъ свою Ставропольскую квартиру со всѣмъ хозяйствомъ подъ надзоръ старой кухарки, не позже какъ черезъ часъ адъютантъ Гурки, Василій Ивановичъ Муравьевъ-Апостолъ, я и мой родственникъ, въ четверомѣстномъ тарантасѣ, сломя голову, скакали по Георгіевской дорогѣ. На облучкѣ, крѣпко уцѣпившись руками за спинку козелъ, чтобы не слетѣть на первомъ толчкѣ по колеистой дорогѣ, подпрыгивалъ мой неразлучный писарь, казачекъ лѣтъ семнадцати, безъ котораго мнѣ бы рѣшительно не удалось совладать съ безконечной перепиской, а на все мы были осуждены усложнившимися Дагестанскими дѣлами. День и ночь приходилось писать; нерѣдко случалось даже на походѣ, покинувъ сѣдло, тратить чернила на такія удивительныя вещи, отъ которыхъ дѣло не подвигалось ни въ ту, ни въ другую сторону, ни впередъ, ни назадъ. Къ счастью я при себѣ удержалъ моего писаря, отправляя канцелярію за Кубань; иначе въ Дагестанѣ, гдѣ больше приходилось отписываться, чѣмъ дѣло творить, мнѣ бы пропасть безъ него. Писалъ онъ четко, работалъ за троихъ, дѣло понималъ и, не унывая, переносилъ голодъ и холодъ; жились мы съ нимъ какъ рука съ привычнымъ перомъ, и вдво-

емъ для насъ не было письменной работы, которой мы бы не могли осилить. Туго приходилось лишь въ такомъ случаѣ, когда, бывало, не оказывалось въ запасѣ ни одной опредѣленной мысли, ни осязаемаго факта, а между тѣмъ налегають: нельзя же сидѣть сложа руки, на то и служба чтобы работать; надо же «чтонибудь» написать. Тогда только задумывались мы не шутя; писарекъ обыкновенно засыпалъ подъ напоромъ тяжелой думы, а я принимался жевать перо въ надеждѣ не высосу ли изъ него «чтонибудь»—и бывало за ночь на столѣ являлся листъ бумаги, исписанный разными, очень любопытными разсужденіями о томъ, что бы требовалось сдѣлать, да чего не слѣдуетъ дѣлать, потому что хуже выйдетъ, ежели оно будетъ сдѣлано. Благодаря такимъ «изъ ничего» придуманнымъ донесеніямъ, не смотря на нашу излишнюю осторожность, когда приходилось дѣйствовать, мы не разъ вызвали заочное одобреніе нашей послѣдовательной дальновидности.

Въ Червленной насъ догналъ генералъ Гурко. Дорогой я обзавелся лошадью, сѣдломъ, взялъ въ драбанты казака Попова (о которомъ уже говорилъ въ «Складчинѣ», изданной въ Петербургѣ въ 1874 году) и Гребенскаго казака Ивашина; а баранью шубку, которой и за деньги нельзя было достать, мнѣ подарилъ Осетинскій старшина Мегметъ-Кази, знавшій меня еще со времени Галгаевской экспедиціи 1832 года. Съ такою экипировкою мнѣ позволено было считать себя вполне обеспеченнымъ на самый продолжительный походъ; а что жена находилась въ Тифлисѣ, домъ и хозяйство оставались въ Ставрополѣ, лошади прогуливались за Кубанью, самъ я глядѣлъ въ Дагестанъ,—считалось на Кавказѣ случаемъ всеневнымъ, надъ которымъ не стоило задумываться ни мгновеніе.

Изъ Червленной, въ двое сутокъ, сопровождаемые тремя сотнями Гребенцовъ, мы верхами проѣхали до Темиръ-Ханъ-Шуры, куда и прибыли благополучно 18 Сентября.

Дѣла застали мы въ слѣдующемъ мало-утѣшительномъ положеніи:

— Всѣ наши укрѣпленія по лѣвую сторону Аварскаго Койсу, за исключеніемъ Хунзахской цитадели, были взяты непріателемъ и срыты до основанія;

— отряды, Клуке (1770 штыковъ, 10 орудій) и Аргутинскаго— (2,800 штыковъ, 9 орудій, 2,200 человекъ милиціонеровъ изъ средняго Дагестана), страдая недостаткомъ провіанта, снарядовъ и патроновъ, удерживались Шамилемъ на позиціи, занятой ими предъ Хунзахомъ;

— прямое сообщеніе Темиръ-Ханъ-Шуры съ Хунзахомъ, чрезъ Зирианы и Балаканское ущелье, было совершенно прервано, и проникнуть къ нему открывалась возможность лишь дальнимъ обходнымъ путемъ, чрезъ Гергебиль и Гоцатль;

— безпощадное опустошеніе Аваріи Шамилевскими полчищами совершалось безостановочно;

— оборона Прикаспійской плоскости, за недостаткомъ войскъ, лежала на туземныхъ, Шамхальской и Мехтулинской, милиціяхъ, отъ которыхъ нельзя было ожидать особенной преданности Русскому дѣлу;

— четыре батальона и шесть горныхъ орудій, направленные съ линіи, по распоряженію генерала Гурки, Дагестанскимъ войскамъ въ подкрѣпленіе, не могли придти раньше послѣднихъ чиселъ Сентября и начала Октября;

— въ Темиръ-Ханъ-Шуръ оставались свободными десять слабо-сильныхъ ротъ Апшеронскаго полка.

Первымъ распоряженіемъ Владимира Осиповича Гурки было чрезъ Гергебиль отправить въ Аварію колонну съ провіантомъ и зарядами, которой и удалось пробраться до Хунзаха; а за тѣмъ завязалась, чрезъ лазутчиковъ, немовѣрно-дѣятельная переписка съ нашими въ Аваріи застрявшими отрядами, нисколько не ослабѣвшая, когда Клуке 28 Сентября посчастливилось вернуться въ Темиръ-Ханъ-Шуру. Не будучи въ силахъ вытѣснить наши войска изъ крѣпкой Хунзахской позиціи, послѣ нѣсколькихъ, успѣха не имѣвшихъ, попытокъ, а болѣе еще по недостатку продовольствія, Шамиль былъ принужденъ отвести свои скопища къ Дылыму, послѣ чего Клуке, оставивъ въ Хунзахѣ десятиротный гарнизонъ, чрезъ Зирянскую переправу перешелъ на правую сторону Койсу, а Аргутинскій съ отрядомъ своимъ отошелъ къ Гоцатлю.

Предметомъ жаркой переписки, загорѣвшейся между Владимиромъ Осиповичемъ и ген. Клуке фонъ-Клугенау, главнымъ образомъ былъ вопросъ, что же теперь, когда Шамиль заблагоразсудилъ убраться во свояси за снѣговой хребетъ, намъ слѣдуетъ предпринять: совершенно очистить Аварію, или по прежнему занять ее нашими войсками. Гурко признавалъ необходимымъ, покинувъ пустую Аварію, сосредоточить наши силы на правой сторонѣ Койсу, для болѣе успѣшной обороны Каспійскаго побережья; а Клуке горячо доказывалъ, что вся будущность Русскаго владычества въ Дагестанѣ единственно зависитъ отъ удержанія Хунзаха въ нашихъ рукахъ. Кажись, Гурко былъ правъ, да и Клуке не слѣдовало винить, коли въ его мысляхъ толку не доставало. Клуке-фонъ-Клугенау, отменно храбрый, но дальновидностью скудно одаренный генераль, не имѣлъ привычки портить свое здоровье трудомъ головоломныхъ размышленій. Въ ту эпоху, думалъ, распоряжался, и писалъ за него подполковникъ Пассекъ, занимавшій при немъ должность начальника штаба; поэтому все что писалось отъ имени Клуке надлежало считать не произведеніемъ его генеральскаго ума, а Пассекова пламеннаго воображенія. Самъ же Пассекъ, на мигъ прослывшій

удивительнымъ героемъ, ближе приглянувшись къ его дѣламъ и мыслямъ, оказывался не болѣе какъ храбрецъ, для котораго главною задачею жизни было восторгаться, скакать, стрѣлять и рубиться, отнюдь не думая о томъ что могло выйти изъ такой стрѣльбы и рубки. Умѣлъ онъ также писать краснорѣчиво, по справедливости сказать, не совершенно согласно съ законами логики; да не въ этомъ бѣда, а главная бѣда заключалась въ томъ, что онъ военнаго дѣла не зналъ и не понималъ. Всѣ его, даже самыя удачныя дѣйствія, носили на себѣ печать крайней необдуманности.

Вотъ примѣръ.

Въ то время когда Клуке, по милости Шамиля, еще принужденъ былъ крѣпко сидѣть въ Аваріи, и никто навѣрное не могъ предсказать чѣмъ кончится это невольное сидѣнье, намъ привелось получить черезъ лазутчика нѣсколько донесеній изъ Аварскаго отряда, между ними записку Клуке (читай Пассека), которая начиналась словами: — «Зарево «пылающихъ селъ багровымъ свѣтомъ озаряетъ дикія скалы Аваріи; «жены и дѣти злосчастныхъ Аварцовъ, извергомъ Шамилемъ обреченныя на вѣчное рабство, съ воплемъ отчаянія покидаютъ родныя песчанища, облитыя кровью ихъ мужей и отцовъ. Страна, обращенная въ «пустыню, оглашается воемъ шакаловъ, сбѣжавшихся на обильную, Шамилемъ имъ брошенную поживу полусгнившихъ труповъ» и т. д. Записка кончалась — смѣшно вспомнить — проектомъ Русскими мужиками заселить эту, въ пустыню обращенную, безлѣсную, однимъ камнемъ обильную страну, въ которой, какъ въ ловушкѣ, засѣли, не зная какимъ путемъ уйти, десять нашихъ батальоновъ, вмѣстѣ съ авторомъ вышеприведеннаго литературнаго упражненія.

На означенный проектъ заселенія Аваріи откѣчали отъ насъ, что позже сообразятъ, а теперь прежде всего слѣдуетъ подумать о томъ, какъ бы нашимъ батальонамъ, по-добру по-здорову, убраться изъ тѣхъ благодатныхъ мѣстъ.

II.

Почти цѣлый мѣсяцъ длился споръ о томъ, слѣдуетъ ли окончательно покинуть Хунзахъ, или снова занять потерянные въ Аваріи пункты и до зимы еще возобновить непріятелемъ уничтоженные укрѣпленія, на что, видимо, недоставало ни рукъ, ни времени, ни способовъ обезпечить зимнее продовольствіе войскъ. Владиміръ Осиповичъ рѣзко оспаривалъ Клуке. Клуке упирался, Пассекъ выходилъ изъ себя; возраженія и опроверженія съ ракетною быстротою летали съ верху внизъ, съ низу вверхъ, изъ перваго во второй, изъ втораго въ пер-

вый этажъ нашего дома (на верху жилъ Гурко, уступивъ мнѣ комнату возлѣ себя, внизу Клуке и Пассекъ). Устраняясь отъ тяжелой отвѣтственности, Гурко переписку свою съ Клуке въ оригиналѣ представилъ корпусному командиру, а корпусный командиръ, въ свою очередь, вернулъ и съ простой помѣткой: «Гуркѣ и Клуке, на мѣстѣ, рѣшить вопросъ съ ихъ обоюднаго согласія». Но этого-то соглашенія и нельзя было достигнуть никакими средствами; Пассекъ оспаривалъ мнѣніе Гурки всѣми силами своей фразистой аргументаціи, въ которой чаще всего встрѣчались слова: — «очистить, отступить, врагу предоставить торжество побѣды несовмѣстно съ Русскимъ могуществомъ, помрачить честь Русскаго оружія», наводившія на Владимира Осиповича невыразимую грусть, не заставляя его однако принять какое нибудь окончательное рѣшеніе. Образованный, талантливый и лично далеко не трусливый Гурко, къ несчастію, страдалъ недостаткомъ столько же вредившимъ дѣлу, какъ и ему самому: боялся онъ отвѣтственности, робѣлъ предъ мыслью подвергнуться даже незаслуженной немилости, и поэтому нерѣдко предавался безплодному колебанію въ случаяхъ, требовавшихъ непоколебимой рѣшимости. И этотъ страхъ отвѣтственности, эта нерѣшительность, какъ я близко знаю, происходили не изъ личнаго эгоизма, а изъ болѣе чистаго источника. Будущность его дѣтей, сына и дочери, всегда стояли у него на первомъ планѣ, и сколько разъ, въ минуту, требовавшую твердой и быстрой рѣшимости, въ моемъ присутствіи, изъ глубины души вырывалось у него восклицаніе: „Et mes enfans?“, и не разъ случалось мнѣ слышать отъ него: *oh! le courage civil est une grand' chose, n'en a pas qui veut!* Во время Дагестанскихъ смуть, про которыя нынѣ рассказываю, слишкомъ много его осуждали совершенно не впопадъ, и какъ водится, въ чемъ позволено было винить, не винили, а взводили на него разную небылицу, и глумились, когда бы слѣдовало отзываться съ похвалою. Такимъ образомъ, чаще всего судить военная молодежь, безумно увлекающаяся мишурнымъ блескомъ съ шумомъ и трескомъ подвизающихся, зачастую поддѣльныхъ храбрецовъ, и кончается тѣмъ, что людей подобных В. О. Гуркѣ осыпаютъ хулою, а людей Пассекова пошиба превозносятъ до небесъ. И нельзя же было Гурку ставить на одинъ уровень съ разными другими Кавказскими генералами того времени, не говоря о Фрейтагѣ: Гурко былъ не только генералъ, онъ былъ и человѣкъ, да сверхъ того порядочный человѣкъ въ полномъ значеніи слова.

До окончательной подачи мнѣнія на счетъ Аварскаго вопроса Гурко призналъ необходимымъ сперва лично познакомиться съ спорнымъ краемъ.

Къ тому времени прибыли наши лошади съ Кубани и пріѣхали въ Темиръ-Ханъ-Шуру гвардейскіе офицеры: Абаза, Феншау, Бонтанъ, адъютантъ Паскевича, Аничковъ и Прусской службы капитанъ баронъ Гиллеръ. Съ весны еще въ разныхъ отрядахъ изучали Кавказскую войну Прусскіе офицеры: Гиллеръ, въ послѣдствіи павшій дивизіоннымъ генераломъ подъ Садовой; Герсдорфъ, во Франціи убитый въ 1870 году, и Вердеръ, подъ Бельфоромъ разбившій армію Бурбаки.

Подъ прикрытіемъ трехъ батальоновъ съ половиной и двухъ сотъ казаковъ двинулись мы въ первыхъ числахъ Октября черезъ Зиряны въ Аварію. Дорога отъ Темиръ-Ханъ-Шуры вела сначала въ гору, потомъ по Бурундукхальскому ущелью спускалась въ долину Койсу, перешагнувъ рѣку, углублялась въ Балаканское ущелье и, поднявшись на Арахъ-тау, мимо Моксоло и Коха, пролегла до Хунзаха по совершенно ровному мѣсту. Переправу чрезъ Койсу обороняло Зирянское, непріателемъ нетронутое, укрѣпленіе. Дорогу отъ Темиръ-Ханъ-Шуры въ Зиряны крѣпко замыкала Бурундукхальская башня, не смотря на малочисленный гарнизонъ—40 человѣкъ, при одномъ офицерѣ. Занимая перевалъ надъ самымъ спускомъ въ тѣсное семирверстное ущелье, огороженное крутыми, въ рѣдкомъ мѣстѣ доступными скалами, это укрѣпленіе защищало такъ называемыя «лѣсенки» —каменные кладки на глубокихъ водомойнахъ, которыя раскидавъ, дорога становилась положительно непроходимой для лошадей и для вьюковъ. Отъ Бурундукхальскаго перевала пролегла еще нагорная дорога въ Араканы, и дальше до Гоцатля, на соединеніе съ дорогой, шедшей къ этому пункту изъ Темиръ-Ханъ-Шуры мимо Дженгутая, Аймяковъ и Гергебиля. Кроме того отъ Аймяковъ можно было пройти до Бурундукхальской башни по весьма трудной пѣшей тропинкѣ, по которой въ крайнемъ случаѣ однако можно было провести и лошадей. Для того чтобы повѣсть наши послѣдующія ошибки, крайне необходимо удержать въ памяти указанное направленіе вышеприведенныхъ дорогъ.

На четвертые сутки дошли мы до Хунзаха, имѣвъ только въ Балаканскомъ ущельи самую незначительную перестрѣлку, по случаю которой мнѣ довелось Пруссакъ Гиллеру нѣсколько прояснить глаза на счетъ Кавказской войны. Переправивъ войска чрезъ Койсу возлѣ Зирянскаго укрѣпленія на летучемъ паромѣ, мы очутились предъ стѣной отвѣсныхъ скалъ, заграждавшихъ нашу дорогу; казалось, дальше пути не существовало. Гурко поручилъ мнѣ съ авангарднымъ батальономъ открыть, занято ли непріателемъ Балаканское ущелье, причемъ Гиллеръ выпросилъ позволеніе отправиться со мной. Повернувъ на лѣво, вверхъ по рѣкѣ, на разстояніи пушечнаго выстрѣла отъ переправы, нашимъ глазамъ представилась въ надбрежныхъ скалахъ узкая, из-

далека едва примѣтная трещина, чрезъ которую приходилось войти въ постепенно расширявшееся ущелье. Остановивъ батальонъ на нѣсколько мгновеній, я распорядился выслать авангардъ, изъ одного взвода, и боковыя прикрытія направо и налево, которымъ приходилось лѣзть въ гору.

Гиллеръ взглянулъ на меня вопросительно. — «Que faites-vous là?»

— Je prends mes précautions, en cas que l'ennemi voudrait nous disputer le passage.

— Comment? Des précautions? Mais ici toute guerre doit finir.

— Ici, elle va seulement commencer.

Гиллеръ недовѣрчиво на меня посмотрѣлъ; взглядъ его ясно говорилъ: шутишь пріятель, хочешь пыли пустить въ глаза—а я такъ и повѣрилъ!

Исполнивъ приказаніе, батальонъ вступилъ въ ущелье. Четверть часа мы прошли безъ выстрѣла, нигдѣ живой души, однѣ громадныя скалы безмолвно глядѣли на нашу маленькую колонну, змѣившуюся чуть примѣтною черною полосой вдоль подножія ихъ; пустынная тишина нарушалась только мѣрнымъ гуломъ солдатскихъ шаговъ, да изрѣдка брякнувшимъ ружьемъ. Гиллеръ насмѣшливо на меня поглядывалъ. Вдругъ на одномъ шпиль вспыхнулъ маленькій дымокъ, потомъ другой, третій; ружья въ боковыхъ прикрытіяхъ и въ авангардѣ отозвались, скалы задымились, раскаты выстрѣловъ разнеслись по воздуху; надъ нашими головами просвистала шальная пуля и глухо ударилась о камень. Гиллеръ выпрямился, внимательно сталъ слѣдить за стрѣлками, вглядываясь, какъ они взбирались по головоломной крутизнѣ, какъ разомъ, когда нужно было, сбѣгались въ кучу, рассыпались, прилегли за камни, и вновь выскакивали, стараясь выбивать непріятеля изъ всѣхъ мѣстъ, съ которыхъ ему удобно было стрѣлять въ колонну, двигавшуюся по дну ущелья.

— Vous avez eu raison—сказалъ онъ—à présent je viens d'acquiescer la conviction qu'il y a bien des choses qu'on peut apprendre chez vous au Caucase.

Случай этой отнюдь не слѣдуетъ считать единственнымъ примѣромъ, обратившимъ на себя вниманіе нашихъ Прусскихъ гостей. Многимъ приѣмамъ малой войны научились они отъ Кавказцевъ, привели ихъ въ систему и завели у себя, приладивъ къ своимъ порядкамъ; а мы, тѣмъ временемъ, пренебрегая своимъ собственнымъ опытомъ, того и глядимъ какъ бы что перенять у другихъ, не разбирая, годится ли оно для нашей почвы, и поэтому многое изъ перенимаемаго нами такъ часто не приходится по мѣркѣ на широкое Русское туловище, и безъ

пользы его жметъ, и гнететь, не смотря на его завѣтную способность притерпѣться ко всѣму что судьба ни пошлетъ.

Далеко не радостна была картина, представлявшаяся намъ вдоль дороги. Развалины Русскихъ укрѣпленій, развалины Аварскихъ ауловъ, истребленные посѣвы, уничтоженные сады, бесплодный камень и безлюдная пустыня окружали насъ со всѣхъ сторонъ. Въ совершенно-бездѣсной, скалистой Аваріи посѣвамъ не было другаго мѣста кромѣ на уступахъ искусственно-устроенныхъ по крутымъ скаламъ горъ и засыпанныхъ растительною землею, которую Аварцы издалека привозили на ослахъ, или приносили на своихъ плечахъ. Небольшое число фруктовыхъ деревьевъ, повитыхъ виноградными лозами, да въ тѣни ихъ посѣянная кукуруза давали жителямъ скудное дневное пропитаніе; лошадей имѣли одни богачи, коровы считались рѣдкостью, и главное богатство Аварцовъ составляли довольно многочисленныя стада полудикихъ козъ. Буквально Шамиль исполнилъ свою угрозу—«истребить Аварскіе аулы, вспахать мѣсто и солью его засѣять»—и коли не солью, то дѣйстви-тельно засѣялъ золой и пепломъ и полилъ Аварскую кровью.

Посреди Аварской пустыни одинъ неприступный Хунзахъ стоялъ живымъ еще сторожемъ ханства стертаго съ лица земли, ханства недавно еще господствовавшаго надъ цѣлымъ Дагестаномъ и предъ которымъ трепетали Грузія и Персія. Трое сутокъ пробыли мы въ Хунзахѣ, осмотрѣли его со всѣхъ сторонъ, и всѣ видѣвшіе его, не исключая Владимира Осиповича, наглядно могли убѣдиться, какъ легко было защищаться въ немъ отъ самаго сильнаго непріятеля, и какъ трудно было удержать его на зиму въ нашей власти. Не отъ непріятельскаго оружія гарнизону непременно бы пришлось бѣжать изъ него отъ голода и холода: такъ Шамиль опустошилъ Аварію. Онъ не довольствовался разореніемъ селъ и уничтоженіемъ кукурузныхъ посѣвовъ; всѣ даже фруктовые деревья были порублены, и стѣнки, поддерживавшія по горамъ плодородную землю, были раскиданы, послѣ чего горные потоки окончательно довершили дѣло разрушенія, начатое людскими руками.

Эту-то Аварію Пассекъ предлагалъ заселить Русскими мужиками!

Изъ Хунзаха прошли мы къ Гергебилию, соединившись въ Гоцатль съ Аргутинскимъ, который давно уже просилъ отпустить его обратно въ Казикумыхъ. Совѣтовали Владимиру Осиповичу не соглашаться на это требованіе, и Аргутинскаго, съ его отрядомъ, удержать въ окрестностяхъ Гергебилиа, пока не обнаружатся дальнѣйшія намѣренія Шамиля. Сомнѣнію не подлежало, что Шамиль не ограничится своими первыми удачами и; вытѣснивъ Русскія войска изъ Койсубу и Аваріи, постарается вслѣдъ за тѣмъ очистить отъ нихъ Прикаспійскія ханства.

Мехтулу и Шамхальство *). Дорогу заслоняли: въ Шамхальскія владѣнія Зиряны и Бурундукхальское укрѣпленіе, въ Мехтулинское ханство—Гергебилю. Сообщеніе изъ Темиръ-Ханъ-Шуры къ Зирянамъ, благодаря Бурундукъ-кале, находилось въ нашихъ рукахъ, а съ Гергебилемъ преграждалось высокимъ Кутнѣжскимъ хребтомъ, прорѣзаннымъ глубокою и неимоверно-узкою разсѣлиной, носившей названіе Аймяк-скаго ущелья, для обороны которой, съ любого конца, достаточно было полусотни ружей. Очевидно первые непріятельскіе удары должны были обрушиться на одинъ изъ этихъ двухъ пунктовъ, вѣроятно же на Гергебилю чѣмъ на Зиряны; посему и казалось необходимымъ, кромѣ гарнизона, въ сосѣдствѣ его имѣть еще отрядъ способный сохранить сообщеніе съ Темиръ-Ханъ-Шурою, на которую опирались всѣ наши силы въ Сѣверномъ Дагестанѣ. Хитрый, изворотливый, малообразованный князь Аргутинскій-Долгорукій (почему Долгорукій, никогда не могъ понять, ни дознать) хорошо понималъ, что насъ ожидало; но это развѣ могло его тревожить?.. Гергебилю состоялъ въ районѣ войскъ, дѣйствовавшихъ въ Сѣверномъ Дагестанѣ, а онъ, Аргутинскій, командовалъ въ Среднемъ Дагестанѣ—и чѣмъ хуже у насъ, тѣмъ лучше для него; значить, тѣла намъ не по сплать, плошасмъ, а онъ мастеръ своего дѣла. Пользуясь авторитетомъ, который, какъ Закавказскому уроженцу Армянскаго происхожденія, ему давали знаніе края и народнаго языка, онъ такъ убѣдительно умѣлъ доказать необходимость вернуться въ Казикумыхъ, откуда до него будто-бы доходили самые тревожные слухи, что Владимиръ Осиповичъ не устоялъ и его дѣйствительно отпустилъ. «Не могу же я, говорилъ Гурко, на свою шею взять отвѣтственность, ежели, какъ Аргутинскій доказываетъ, изъ-за долгаго его отсутствія, въ Казикумыхъ повторятся бѣдствія, постигшія Сѣверный Дагестанъ?»

Это была наша первая ошибка, не миновавшая горестнымъ образомъ отзываться на Гергебилю.

Отъ весьма слабо укрѣпленнаго Гергебиля (постройки состояли изъ нижняго укрѣпленія, имѣвшаго видъ съ горжи замкнутаго люнета, и изъ верхняго редута на одну роту, занимавшаго командующую высоту; рвы были очень неглубоки, брустверъ сложенъ изъ камня на глинѣ) мы двинулись въ Темиръ-Ханъ-Шуру, усиливъ гарнизонъ двумя ротами; этимъ укрѣпленія не спасли, а только на триста человѣкъ увеличили число безполезныхъ жертвъ.

Вернувшись въ Темиръ-Ханъ-Шуру, Владимиръ Осиповичъ, во-

*) Точнѣе Шамъ-ханство, по ханскому роду изъ Шамы (Дамаска.)

преки тому что ему довелось видѣть и узнать во время своей невеселой Аварской прогулки, уступилъ мнѣнію Клуке. Съ общаго согласія было рѣшено (смутили его слова «честь Русскаго оружія не допускаетъ отдать врагу торжество побѣды») удержать Хунзахъ, усиливъ еще двумя батальонами бывшія въ немъ десять ротъ, батальономъ занять Балаканы, и начальство надъ войсками въ Аваріи поручить Пассеку, слѣдуя пословицѣ: заварилъ кашу, самъ и расхлебывай.

Этого Пассекъ только и домогался: хотѣлось ему покомандовать хоть нѣсколько недѣль, сколько позволить Шамиль; завязать дѣло, написать громкую реляцію, получить награду; а тамъ, хоть трава не рости. Какъ онъ разсчитывалъ, такъ и сбылось; а какая бѣда солдату отъ того приключилась, стоитъ ли принимать въ расчетъ—на то и солдатъ, чтобы ему кости ломали!

Когда Пассекъ уѣхалъ въ Аварію, казалось, для насъ настало время отдыха, но намъ нисколько не удалось имъ воспользоваться. Шамиль не спалъ и намъ дремать не давалъ. Въ началѣ Октября, отбитый отъ Андресвой деревни, Кумыкскаго селенія возлѣ кр. Внезапной, въ концѣ того же мѣсяца онъ сталъ готовиться къ новымъ предпріятіямъ. Свѣдѣнія, добываемыя лазутчиками, были крайне разнорѣчивы: одни показывали, что онъ намѣренъ двинуться на Югъ, другіе доказывали, что всѣ его приготовленія стремятся къ набѣгу на Кизляръ, или на одну изъ казачьихъ станцъ по низовью Терека. Казалось, скорѣе позволено было опасаться за Дагестанъ, чѣмъ за Терскую линію: на Терекѣ Шамиль могъ разсчитывать на одинъ временный, очень неважный успѣхъ, а въ Дагестанѣ онъ преслѣдовалъ глубокую политическую мысль подчинить своей власти все мусульманское населеніе отъ береговъ Каспійскаго моря до снѣговаго хребта. Владимиръ Осиповичъ однако благоразсудилъ болѣе вѣроятнымъ признать первое предположеніе, что и заставило его 22 Октября двинуться къ крѣпости Внезапной. Отрядъ нашъ состоялъ изъ двухъ батальоновъ, четырехъ орудій и нѣсколькихъ сотенъ линейскихъ и Донскихъ казаковъ.

На берегу Сулака, около Султанъ-Инги-Юрта простояли мы дней пять въ ожиданіи болѣе положительныхъ извѣстій о непріятелѣ, а потомъ перешли за рѣку, и кажись, безъ определенной цѣли стали ходить взадъ и впередъ между Внезапною, Амираджи-Юртомъ и Кази-Юртомъ. Погода, теплая въ первые дни нашего похода, вдругъ измѣнилась: сначала пошелъ проливной дождь, потомъ стало снѣжить, и наступили сильные ночные морозы. Выступили мы на легкахъ: во всемъ отрядѣ одинъ Гурко имѣлъ небольшую палатку. Солдаты и офицеры располагались бивуакомъ подъ открытымъ небомъ, въ грязи, или на мерз-

лой землѣ. При безпрестанныхъ перемѣнахъ мѣста не доставало времени, да и не изъ чего было строить шалаши въ голой степи, въ который нельзя было добыть полѣна дровъ, и принуждены были кизикомъ поддерживать лагерные костры. Всѣ одинаково подвергались мокротѣ и холоду, но болѣе другихъ мнѣ, грѣшному, приходилось страдать. Когда мои прочие товарищи, укрывшись шубами и бурками, ночью спокойно отдыхали, именно тогда наступало для меня время настоящей пытки. Бывало, будятъ каждые полчаса—пріѣхалъ лазутчикъ, привезли летучку: стряхнувъ теплую шубу, встаешь, читаешь, выслушиваешь безконечный рассказъ прискакавшаго горца, идешь генералу докладывать. Приподыметъ онъ голову, выслушаетъ, отдастъ приказаніе, или просто скажетъ: распорядитесь какъ сами знаете, да и нырнетъ подъ шубу; а мнѣ приходится отвѣчать, писать увѣдомленія въ десять различныхъ пунктовъ и войскамъ передавать генеральское приказаніе. Ложимся мы съ писаремъ на бурку, разостланную возлѣ горящаго костра, чернилицу ставимъ въ горячую золу и, дрожа всѣмъ тѣломъ, надъ углями отогрѣвая чернила, лёдѣющія на перѣ,² выводимъ на бумагѣ ряды буквъ чудовищнаго вида. Бывало, только что кончишь работу, ляжешь и начнешь проникаться пріятною теплотою, а тутъ снова зовутъ—опять донесеніе, опять лазутчикъ, или нарочный, опять подымайся, выслушивай, докладывай и пиши. Признаться, въ немоготу приходилось.

Сколько помнится, 29 Октября стояли мы близъ Султанъ-Янги-Юрта, въ одну морозную ночь разбудилъ меня зловѣщій топотъ быстро скакавшей команды; почувалъ я, что мнѣ готовится работа, а вставать не хотѣлось: подъ буркою лежать было такъ тепло и уютно. Казаки изъ отряда Евдокимова, стоявшаго на нашемъ сообщеніи съ Темиръ-Ханъ-Шурою, привезли конвертъ отъ генерала Клуке. Извольте вставать, на ухо крикнулъ мнѣ писарь, на конвертъ надписано: секретно и весьма нужное. Нехотя я поднялся, распечаталъ, прочелъ и зашагалъ къ генеральской палаткѣ.

Гурко привыкъ узнавать мою походку.

— Чтò новаго? раздалось изъ-за жиденькой полотняной стѣнки.

— Донесеніе отъ Клуке и очень важное.

— Чтò такое?—говорите скорѣй!

— Шамиль спустился съ горъ и обложилъ Гергебиль; въ сборѣ него, полагаютъ, находится до десяти тысячъ, и кромѣ того онъ привезъ три полевыхъ орудія, изъ которыхъ обстрѣливаетъ укрѣпленіе.

— Нехорошо!

— Самъ такъ думаю.

— Тотчасъ-же дайте знать Фрейтагу, въ Ставрополь и въ Тифлисъ, а нашему отряду прикажите быть готовымъ выступить съ разсвѣтомъ.

Заря не занялась еще, какъ наши батальоны уже дружно шагали по мерзлой степи; а мы, не дожидаясь ихъ, съ сотнею линейцевъ, на полныхъ рысяхъ, неслись въ Темиръ-Ханъ-Шуру.

III.

Обстоятельства сложились для насъ весьма невыгодно; но не все еще было потеряно. Силы собранныя въ СѢвѣрномъ Дагестанѣ съ разныхъ сторонъ состояли въ то время изъ девятнадцати батальоновъ пѣхоты, не болѣе однако 8930 штыковъ, 300 линейскихъ, 300 Донскихъ, 200 Уральскихъ казаковъ, 14 горныхъ и 10 орудій полевой артиллеріи. Изъ сего числа четыре батальона занимали Хунзахъ; одинъ батальонъ находился въ Балаканахъ, одинъ въ Зирикахъ, одинъ въ Аймякахъ, при входѣ въ Аймякскую тѣснину; одинъ на Сулакѣ, въ отрядѣ Евдокимова; шесть батальоновъ оставались въ Темиръ-Ханъ-Шурѣ; а остальные батальоны были разбиты по разнымъ менѣе важнымъ пунктамъ. Казаки находились частью въ Сулакскомъ отрядѣ, частью въ Темиръ-Ханъ-Шурѣ и небольшими командами содержали почтовое сообщеніе. Шамхаль Тарковской и правительница Мехтулинская, красавица Селтанета, получившая извѣстность и среди Русскихъ, благодаря «Амалать-беку» Марлинскаго, далеко не сочувствовавшіе Шамилю, къ нашимъ силамъ присоединили еще сотъ шесть туземной конницы. Съ этимъ количествомъ войскъ кое-какъ можно было извернуться, приказавъ Пассеку, часу не медля, покинуть Хунзахъ, занять позицію на Гоцатлинскихъ высотахъ и ожидать тамъ, пока Аргутинскій съ одной, а мы съ другой стороны подойдемъ къ Гергебилу. Позволено было надѣяться, что непріятель, разомъ атакованный съ трехъ сторонъ, не выдержитъ натиска нашихъ соединенныхъ отрядовъ. Мысль эта возникла на совѣтъ, въ которомъ, кромѣ Клуке, участвовали еще полковникъ Бибиковъ вмѣстѣ со мной, но была исполнена не во всѣхъ частяхъ, отчего и не имѣла ожидаемаго успѣха. Къ Аргутинскому были посланы гонцы съ предложеніемъ не мѣшкая двинуться къ Гергебилу; намъ было положено чрезъ Кутижинскій хребетъ идти выручать осажденную крѣпость; только Пассеку Владимиръ Осиповичъ не рѣшился отдать безусловнаго приказанія очистить Аварію, а предписалъ ему дѣйствовать по собственному усмотрѣнію, какъ укажутъ обстоятельства.

Свободными оказались въ Темиръ-Ханъ-Шурѣ не болѣе трехъ батальоновъ, всего 1500 штыковъ, пять горныхъ орудій, сотня линей-

цевъ и туземное конное ополченіе, съ которыми 1-го Ноября мы и двинулись къ Гергебилю по дорогѣ чрезъ Оглы.

На четвертые сутки нашъ отрядъ съ Сулака пришелъ въ Оглы, сдѣлавъ болѣе ста верстъ по неимовѣрно-труднымъ горнымъ дорогамъ. Тутъ оказалось необходимымъ дать дневной отдыхъ донелѣзя утомленнымъ солдатамъ, а генераль Гурко тѣмъ временемъ меня отправить высмотрѣть съ высоты Кутижинскаго гребня, въ какомъ положеніи находится наша осажденная крѣпость, прикомандировавъ ко мнѣ на этотъ разъ моего родственника, сына корпуснаго командира, чѣмъ и оказалъ мнѣ весьма плохую услугу. На свое счастье я надѣялся, но отвѣчать за его цѣлость ложилось на меня тяжелою обузою, отъ которой я и постарался избавиться, отправивъ его обратно въ Оглы съ первымъ донесеніемъ генералу Гурку. Съ сорока охотниками взятыми отъ батальона, стоявшаго въ Аймякахъ, поднялись мы на гору, нашли мѣсто, съ котораго Гергебилѣская котловина и атакованная крѣпость открывались какъ на ладони и помощью зрительной трубы принялись дѣлать наши наблюденія. Здѣсь, послѣ отправки моего родственника, не отрывая глаза отъ трубы, просидѣлъ я съ полудня до поздняго вечера.

Далеко неуспокоительно было то, что мнѣ привелось разглядѣть. Горцы густыми толпами окружали крѣпость; на видъ казалось ихъ не менѣе восьми тысячъ; атаку они разомъ повели на главное укрѣпленіе и на верхній редутъ, по которому не умолкая били изъ трехъ орудій, поставленныхъ въ аулѣ, лежавшемъ выше обѣихъ нашихъ построекъ. Каменистая почва не позволяла зарываться въ землю, почему атакующіе обратились къ другому менѣе трудному способу вести свои подступы. Въ разстояніи нѣсколькихъ сотъ шаговъ отъ крѣпости были сложены дрова, заготовленные на зиму. Устроивъ себѣ первый ложементъ за этими дровами, они оттуда стали подвигаться къ крѣпостному брустверу, закрывая себя отъ ружейныхъ выстрѣловъ рядомъ костровъ образуемыхъ полѣньями, которыя ловко бросали они впередъ своего пути. Ползкомъ добравшись до такого удобнаго прикрытія, они снова принимались перекидывать дрова, и плотный рядъ высокихъ костровъ съ каждымъ часомъ тѣснѣе охватывалъ злополучный Гергебиль. Изъ главнаго укрѣпленія наши солдаты еще бодро отвѣчали на непріятельскій огонь, но верхній редутъ уже слабо оборонялся; брустверъ редута и крытый ходъ, соединявшій его съ нижнимъ укрѣпленіемъ, были разбиты; орудія стрѣляли изрѣдка, ружья едва отзывались; видимо, не доставало людей, не доставало пороху. При первомъ рѣшительномъ штурмѣ редутъ долженъ былъ пасть; по моему расчету онъ едва ли могъ продержаться до утра, а съ высоты его открывалась вся внутренность

главнаго укрѣпленія. На моихъ глазахъ однако оба укрѣпленія удачно отбили два штурма. Видѣлъ я, какъ вся долина покрывалась толпами, бѣжавшими къ крѣпости, видѣлъ какъ поочередно вспыхивали крѣпостныя орудія, какъ дымомъ застилался брустверь, какъ огненною нитью охватывали его непріятельскіе выстрѣлы; слышалъ гиканье, дробную ружейную пальбу, глухіе пушечные удары; видѣлъ, какъ отбитый непріятель стремглавъ бѣжалъ отъ крѣпости, оставляя за собой неподвижныя темныя кучки нѣсколько страннаго вида. Затѣмъ наступала глубокая тишина: съ обѣихъ сторонъ отдыхали; но не долго длилось молчаніе; снова принимались гремѣть непріятельскія орудія, снова загорался бѣглый ружейный огонь. Наконецъ, Гергебильская котловина покрывалась темнотою, посреди которой видѣлись одни лишь красными звѣздочками сверкавшіе непріятельскіе огни, и я покинулъ гору, на которой мнѣ ничего болѣе не оставалось дѣлать. Лезгинны, забывшіе выставить караулъ на Гергебильской горѣ, замѣтили насъ довольно поздно; не зная нашего числа, они не рѣшились идти прямо на гору, а стали насъ обходить небольшими партіями, въ чемъ не могли однако успѣть по причинѣ дальности предстоявшаго имъ обходнаго пути. Отъ Аймяковъ, уступивъ моему, раньше уѣхавшему родственнику весь нашъ конвой, состоявшій изъ тридцати всадниковъ, я проѣхалъ въ Оглы подъ покровомъ темной, безлунной ночи, съ моими тремя линейцами и двумя Мехтулинскими проводниками.

Изъ моей нагорной рекогносцировки я вынесъ твердое убѣжденіе, что, не смотря на оба при мнѣ удачно отбитыхъ штурма, крѣпость безъ посторонней помощи не можетъ устоять, а мы одни, безъ содѣйствія Пассека и Аргутинскаго, не въ силахъ ее спасти. Для этого нашъ отрядъ былъ слишкомъ малочисленъ, а мѣстность слишкомъ неприступна, и кромѣ того усѣяна искусственными преградами: по обѣ стороны дороги, вѣрнѣе сказать вьючной тропинки, спускавшейся съ Кутижинскаго хребта въ Гергебильскую котловину, на протяженіи трехъ или четырехъ верстъ, видѣлся заваль возлѣ завала. Каждый изъ этихъ каменныхъ заваловъ, занимая крутой гребень или шпигель выдававшуюся скалу, составлялъ какъ бы отдѣльное укрѣпленіе, обороняемое послѣдующимъ заваломъ. Кромѣ батальона, оберегавшаго сѣверный выходъ изъ Аймякской тѣнины, котораго нельзя было тронуть съ мѣста, въ нашемъ отрядѣ имѣлось 1500 штыковъ и 5 горныхъ орудій, а на туземную конную милицію нечего было разсчитывать: ее водили мы за собой развѣ только для того, чтобы она преждевременно не бѣжала къ Шамилю. Двинувшись подъ гору съ такими малыми силами, мы рисковали, штурмуя заваль за заваломъ, на пути потерять половину людей, а другою половиною увеличить только число бесполезныхъ жертвъ.

Въ низъ, пожалуй, насъ бы пропустили, но оттуда навѣрное бы не выпустили. Иное дѣло, ежели бы Пассекъ или Аргутинскій неожиданно появились въ виду Гергебиля.

Близко полуночи я пріѣхалъ въ Оглы, голодный и продрогнувъ до костей: въ глубокихъ Дагестанскихъ долинахъ днемъ было еще жарко, ночью холодно, а на горахъ уже выпалъ снѣгъ, сильно морозило и не переставая дулъ рѣзкій, зимній вѣтеръ.

Гурку я засталъ сильно взволнованнымъ тѣмъ, что онъ уже зналъ о Гергебилѣ, а мое донесеніе его окончательно разстроило. Лежа на походной кровати, въ маленькой, жарко натопленной комнаткѣ, онъ долго меня спрашивалъ, хмурилъ брови, вздыхалъ, мысленно колебался и наконецъ рѣшилъ: пойду самъ взглянуть на Гергебиль. Грѣшно было бы сказать, будто Владимиръ Осиповичъ совершенно равнодушно относился къ людской судьбѣ; сердце онъ имѣлъ не черствое и умомъ ясно вещи понималъ; не доставало только непоколебимо-твердой воли, которая одна способна самага даже лучшаго человѣка неизмѣнно удерживать на пути добра и справедливости. И въ этотъ вечеръ онъ не рѣшился Пассеку послать приказаніе, покинувъ Хунзахъ, двинуться къ Гергебилю, или чрезъ Зиряны отступить къ Темиръ-Ханъ-Шурѣ, для того чтобы позже можно было соединенными силами встрѣтить Шамиля на Дагестанской плоскости. Прямое начальство надъ нашимъ отрядомъ онъ тутъ-же поручилъ генералу Клуке, предоставивъ себѣ самому одно право главнаго руководства. Отпуская меня, сказалъ онъ: «Выступаемъ въ два часа; а пока спросите поужинать. По моему приказанію для васъ поберегли всего чѣмъ насъ угостили за обѣдомъ; значитъ, васъ не забываемъ».

Съ ужиномъ я справился безпрепятственно, но отдохнуть мнѣ не удалось: только что, усѣвшись на какомъ-то сундукѣ и къ стѣнѣ голлову прислонивъ, успѣлъ я задремать, какъ меня разбудили — пора выступать!

Крутая и извилистая тропинка, по которой я наканунѣ изъ Аймяковъ поднялся на Гергебильскую гору, была слишкомъ неудобна для ночнаго движенія, почему мы и пошли обходною дорогою, пролегавшею по гребню, огибавшему Аймякскую долину съ восточной стороны. Припомнить не могу другаго, столько же грустнаго похода. Слухъ о бѣдѣ, угрожавшей Гергебилю, распространился въ войскахъ, безъ того глубоко затронутыхъ послѣдними Аварскими неудачами. Не весело шли солдаты на встрѣчу дѣлу, отъ котораго, глядя на свои жиденькіе ряды, они не ожидали большаго проку ни для себя, ни для своихъ Гергебильскихъ товарищей. Офицеры бодрились, но сквозь ихъ напускную бодрость видимо проглядывало чувство плохой увѣренности въ солдаты,

въ свою очередь переставшихъ безусловно вѣрить въ собственную силу, въ свое счастье и въ умѣніе тѣхъ, которымъ поручено было ихъ вести на бой съ сердитымъ Шамилемъ. Нѣкоторые офицеры подъѣзжали ко мнѣ и шепотомъ старались развѣдать о томъ что творится съ осажденною крѣпостію и пойдемъ ли мы ее спасать, и уѣзжали, не получивъ удовлетворительнаго отвѣта: ибо мнѣ строго было запрещено объ этомъ говорить. Да и безъ такого запрещенія я бы не зналъ какъ отвѣчать, самъ не понимая, ради чего, не имѣя возможности освободить крѣпость, мы съ цѣлымъ отрядомъ поднимаемся на гору, на которой не существовало ни дровъ, ни воды.

Версту не доходя до отвѣснаго обрыва, спускавшагося въ Аймякскую тѣснину, приказано было остановить колонну въ ожиданіи разсвѣта. Ночь была темная, морозная; рѣзкій вѣтеръ свисталъ надъ нашими головами, вздымая оледенѣлыя снѣжины, жгучими иглами впивавшіяся въ лицо и въ глаза; солдаты, тѣсняясь одинъ къ другому, кучами улеглись на снѣгу. Легъ и я, выбравъ мѣстечко, гдѣ побольше снѣгу навѣяло, чтобы уберечь бока отъ острыхъ камней, накрылъ голову буркой и старался уснуть; но отъ лишней усталости и отъ холода не могъ глаза сомкнуть. Дрожь пробирала меня до костей. Вдругъ я почувствовалъ пріятную теплоту, которая не вѣсть отчего стала разливаться по жиламъ, и заснулъ глубокимъ сномъ. Голосъ Василья Ивановича Муравьева меня разбудилъ: свѣтаетъ, вставайте, генералъ приказалъ безъ барабаннаго боя, безъ говора и безъ шума, поднять и выстроить отрядъ. Откинулъ я отъ себя какую-то непривычную тяжесть, взглянулъ и понялъ, отчего мнѣ стало такъ тепло, и удалось отлично отдохнуть *): мои казаки, Самарскій, Поповъ и Ивашинъ, снявъ съ себя бурки, накрыли меня ими, и все время, пока я спалъ, просидѣли у моихъ ногъ, на вѣтру, оттирая другъ друга, чтобы не замерзнуть.

Позицію, которую нашъ отрядъ занялъ на горѣ, позволено было считать совершенно неприступною. Правый флангъ упирался въ отвѣсный обрывъ; верхъ хребта образовалъ широкую площадь слегка покатую къ сторонѣ Гергебиля; затѣмъ слѣдовалъ непроходимый обрывъ прорѣзанный одною глубокою лощиною, по которой дорога шла подъ гору; нѣсколько ниже виднѣлся ровный уступъ шириною не меньше трехъ сотъ шаговъ и на краю его первый непріятельскій заваль. Слѣва постепенно суживавшійся каменистый гребень обезпечивалъ насъ отъ фланговой атаки; полуроты съ однимъ орудіемъ было достаточно

*) Было уже рассказано въ „Складчина“ 1874 года, но стоитъ повторить.

съ этой стороны остановить самого многочисленного противника. Расположивъ отрядъ скрыто отъ непріятельскихъ глазъ, да и такъ что нашимъ солдатамъ нельзя было видѣть внизу происходившее, я провелъ Гурку къ тому мѣсту, съ котораго наканунѣ наблюдалъ за крѣпостью. Онъ запретилъ кому бы то ни было подходить къ краю горы и пригласилъ только послѣдовать за нимъ генерала Клуке, командира артиллеріи полковника Петра Петровича Ковалевскаго и полковника Михаила Николаевича Бибикова.

Утренняя заря чуть занялась; поэтому не легко было разглядѣть, что происходило въ долину, въ глубину которой солнечные лучи не успѣли еще проникнуть. Долго Гурко смотрѣлъ въ зрительную трубу и потомъ миѣ ее передалъ.

— Ничего не могу разобрать — мѣстами кучи, а тамъ перебѣгаютъ какія-то темныя точки, дыму много и ничего больше не видно; въ вчера уже приглядѣлись, возьмите, посмотрите.

Направилъ я трубу на укрѣпленіе—поглядѣлъ минуту, другую—сердце замерло. «Верхній редутъ», проговорилъ я всматриваясь, «захваченъ непріятелемъ, который изъ него уменьшеннымъ зарядомъ бросаетъ гранаты въ самую середину нижняго укрѣпленія; дровяные костры, которыми Лезгины себя прикрываютъ отъ выстрѣловъ, со вчерашняго дня замѣтно умножились и ближе подошли къ контръ-эскарпу; дѣло разрушенія подвигается не по днямъ, а по часамъ; крѣпость обороняется слабѣе вчерашняго».

Еще разъ взглянувъ въ трубу, Владимиръ Осиповичъ передалъ ее прочимъ, провожавшимъ насъ офицерамъ. «Не рѣшаясь», сказалъ онъ, «принять на себя одного тяжелую отвѣтственность произнести окончательный приговоръ надъ крѣпостью и ея гарнизономъ, призываю васъ, господа, на военный совѣтъ. Предлагаю вопросъ: въ состояніи ли мы съ нашими силами двинуться подъ гору, крѣпости на выручку, и какого результата, по мнѣнію каждого изъ васъ, позволено ожидать отъ такого покушенія. Составъ нашего отряда вамъ извѣстенъ; крѣпость, непріятельскія силы и мѣстность предъ глазами. Прошу, господа, отвѣчать съ полною откровенностью, по чести и по совѣсти, не упуская изъ виду, что отъ вашихъ отвѣтовъ зависитъ не только участь погибающаго Гергебильскаго гарнизона, но и судьба остальныхъ Русскихъ войскъ, находящихся въ Сѣверномъ Дагестанѣ. А для того, чтобы посты не вышло какого-либо недоразумѣнія, прошу отвѣчать не на словахъ, а письменно. Вы младшій по чину, обратился онъ ко мнѣ: съ васъ слѣдуетъ начать; полагаю, вы имѣете у себя бумагу и карандашъ: сперва напишите, а потомъ прочтите».

Вынувъ изъ-за пазухи всегда готовый листъ бумаги, я исполнилъ приказаніе Гурки. Я имѣлъ довольно времени за ночь обдумать наше положеніе, и мнѣ не трудно стало написать безъ остановки:

«Положительно безразсуднымъ считаю съ нашими силами подѣлу идти спасать крѣпость; половины людей не доведемъ, крѣпости не спасемъ, сами пропадемъ и тѣмъ отдадимъ на жертву непріятелю всѣ прочія войска и крѣпости въ Сѣверномъ Дагестанѣ. Пассекъ, представленный самому себѣ, неминуемо погибнетъ въ Хунзахѣ съ голода, коли не отъ непріятельскаго оружія. Шамилю же послѣ того легко будетъ осадить и самую Темиръ-Ханъ-Шуру».

Тутъ слѣдовало добавленіе:

«Но разъ, что мы пришли на Гергебильскую гору, считаю не только полезнымъ, но и возможнымъ сдѣлать диверсію въ пользу осажденной крѣпости, обративъ на себя часть непріятельскихъ силъ. Этимъ можетъ быть задержано ея паденіе до прихода Аргутинскаго. Для этой цѣли намъ слѣдуетъ спуститься до перваго уступа, поставить батарею и открыть огонь по ближайшимъ непріятельскимъ заваламъ. Коли непріятель сдѣлаетъ ошибку пойти на насъ густыми толпами, то поставимся, медленно отступая, увлечь его за собой на вершину горы, съ высоты ударимъ въ штыки и, пожалуй, при нѣкоторомъ счастьи успѣемъ нашею неожиданно смѣлостью навести на него такой паническій страхъ, что онъ побѣжитъ безъ оглядки и броситъ осаду крѣпости. Гергебильскій же гарнизонъ, полагаю, въ такомъ случаѣ также не останется простымъ зрителемъ. Капитанъ баронъ Торновъ *)».

*) Кстати будетъ тутъ пояснить, отчего существуетъ разница въ подписи моей со списочною помѣткою моей фамиліи, происходящей изъ Помераніи (Поморія) отъ Славянскаго корня, наравнѣ съ другими Прусскими фамиліями—„Велю, Rantzow, Treskow“,—по Нѣмецкому выговору, Белау, Ранцау, Трескау. Я остался сиротой съ двухлѣтняго возраста (отецъ мой, артиллерій полковникъ, померъ отъ раны въ 1813 году), и моя фамилія была исковеркана писарскою милостью разныхъ военныхъ канцелярій; и лишь въ 1853 году, получивъ въ мои руки оригинальные документы, по которымъ отецъ въ концѣ еще прошедшаго столѣтія былъ опредѣленъ въ тогда существовавшій Петербургскій сухопутный шляхетскій кадетскій корпусъ, я узналъ, какимъ образомъ мнѣ слѣдуетъ писать фамилію. Изъ этихъ документовъ было видно, что фамилія „Торнау“ переведена по-русски „Торновъ“, какъ писался и мой отецъ; потомъ изъ Курляндскаго дворянскаго депутатскаго собранія мнѣ была выдана родословная, съ Русскимъ переводомъ, въ которомъ присяжный переводчикъ снова перевелъ „Торновъ“, на основаніи правописанія, а не Нѣмецкаго выговора; Петербургская же Герольдія при утвержденіи права моего на баронскій титулъ соблаговолила, вопреки очевидности, прописать „Торнау“, съ прибавленіемъ еще частицы „фонъ“, употребляемой на Нѣмецкомъ языкѣ, но по-русски, при титулѣ, смысла не имѣющей. Отъ этого въ служебныхъ спискахъ изволятъ писать: баронъ фонъ Торнау; а я считаю привильнѣе подписываться баронъ Торновъ, какъ звали моего отца и какъ слѣдуетъ писать на всѣхъ языкахъ. Подобныя вещи чаще случаются у насъ, чѣмъ у другихъ отъ того, что въ западныхъ Европейскихъ государствахъ, гдѣ су-

«Въ нашемъ положеніи считаю рѣшительно невозможнымъ заявлять дѣло съ непріятелемъ и потомъ медленно отступить, какъ предлагаетъ капитанъ Торновъ; солдаты отъ послѣднихъ неудачъ до того опустились духомъ, что съ ними отступление съ боя легко можетъ обратиться въ бѣгство, и въ такомъ случаѣ на горѣ грозитъ постигнуть насъ таже участь, которой мы подвергнемся, очертя голову бросившись въ Гергебильскую котловину. Поэтому предлагаю, до прибытія Аргутинскаго, не затрогивать непріятеля. Полковникъ Бибииковъ».

«Русская солдатская честь налагаетъ на насъ священную обязанность, во что бы ни стало, спасти Гергебильскій гарнизонъ, или погибнуть съ нимъ заодно. Предлагаю немедленно идти подъ гору выручать Гергебиль», расчеркнулся артиллеріи полковникъ Ковалевскій.

«Согласенъ съ мнѣніемъ капитана Торнова», отмѣтилъ Клуке фонъ Клугенау.

«Согласенъ съ мнѣніемъ капитана Торнова и генерала Клуке», написалъ и подписалъ генералъ-лейтенантъ Гурко.

Актъ мнѣ было поручено хранить у себя.

Большинство осталось на сторонѣ моего мнѣнія. Казалось слѣдовало его тутъ же исполнить, а на дѣлѣ вышло не то. Клуке, принявшій начальство надъ войсками, приказалъ имъ идти подъ гору; но порядокъ, въ которомъ они двинулись, съ перваго начала мнѣ не показался.

— Дѣлають не такъ, какъ слѣдуетъ, замѣтилъ я Владимиру Осиповичу: орудія, которымъ надо идти въ головѣ, размѣщены по батальонамъ; разомъ спускають весь отрядъ, когда въ прикрытіе батареи достаточно двухъ ротъ. Полтора батальона можно скрыть въ лощинѣ, а остальной батальонъ удержатъ на горѣ, не говоря о кавалеріи, которой до поры-до времени, непріятелю нечего и показывать. Ваше превосходительство одобрили мое предложеніе, такъ позвольте же мнѣ принять участіе въ его исполненіи: указать мѣсто батареи и получить начальство надъ ея прикрытіемъ.

— Вы правы, отвѣчалъ Гурко, но отрядомъ командуетъ Клуке: поэтому побужайте къ нему, повторите ваши слова, причемъ можете еще прибавить, что и въ этомъ случаѣ я съ вами согласенъ.

существуетъ цѣлая наука о гербахъ и о происхожденіи дворянскихъ родовъ, въ комиссіяхъ, имѣющихъ предметъ разбирать ихъ историческія права, заведать люди, обязанные знать эту науку; члены же нашей Герольдіи, при всемъ принадлежащемъ имъ уваженіи, едва ли могутъ похвалиться основательною подготовкою къ своему дѣлу и поэтому принуждены руководствоваться однимъ „личнымъ своимъ усмотрѣніемъ“, нерѣдко спотыкающимся на первомъ шагѣ, не взирая на законъ ему присвоенную непогрѣшимость.

Стояли мы по одну, Клуке по другую сторону крутоберегой лощины, по которой спускался отрядъ; прямо нельзя было къ нему проехать; поэтому я ее обскакалъ и десять минутъ спустя повторилъ ему замѣченное мною упущеніе вмѣстѣ съ просьбой мнѣ поручить начальство надъ передовою частью колонны, шедшей подъ гору.

— Да, вы правы, въ свою очередь замѣтилъ мнѣ Клуке: дѣлаютъ не то что нужно; поэтому я и послалъ войскамъ приказаніе идти назадъ.

— Что это значитъ, ваше превосходительство? Прикажете идти впередъ, какъ было рѣшено на совѣтѣ и какъ приказалъ командующій войсками.

— Десяти приказаній разомъ нельзя отдавать!

Этотъ отвѣтъ меня кольнулъ, какъ ножомъ. Опрямлетъ поскакалъ я къ Гуркѣ, которому, какъ и всѣмъ другимъ свидѣтелямъ этого дѣла, хорошо было видно обратное движеніе отряда, не показавшись даже неприятелю. Жалобу мою на распоряженіе Клуке, которымъ уничтожалось его же, Гурки, окончательное рѣшеніе, онъ терпѣливо выслушалъ, и только повелѣлъ плечами.— Командуетъ Клуке, не хочу ему мѣшать, видю иначе нельзя!

Судьба несчастнаго Гергебильскаго гарнизона была рѣшена; спасти его могло одно чудо—и это чудо не сбылось.

Безъ палатокъ, на снѣгу и на голомъ камнѣ расположились войска, вернувшіеся изъ лощины, не видавъ неприятеля. Двое сутокъ простояли мы на безводной и безлѣсной горѣ, ежедневно посылая многочисленныя команды въ Аймякскую долину за водой и за дровами. Неприятель не тревожилъ насъ ни однимъ выстрѣломъ; мы не мѣшали ему громить крѣпости, а онъ не мѣшалъ намъ съ горы любоваться его успѣхами: для него мы будто не существовали. Голодъ, холодъ и жажду переносили мы терпѣливо, но были не въ силахъ безропотно смотрѣть, какъ на нашихъ глазахъ добивали бѣдныхъ Гергебильцевъ, въ пользу которыхъ намъ не было позволено выпустить ни единого снаряда. Пасмурно глядѣли солдаты, лѣниво исполняли они обычную лагерную службу, или лежали кучами на холодной землѣ, погрызывали мерзлые сухари и толковали промѣжъ себя.— «Не гоже стоять скрестя руки, смотрѣть какъ свою православную братію нехристь рѣжетъ; хошь бы поплатиться своимъ животомъ, а попынуть: все бы легче стало на душѣ. Ну побьютъ, такъ побьютъ; значитъ Богу такъ угодно, а грѣха не приняли бы на себя, что покинули своихъ», не разъ долетало къ намъ изъ солдатскихъ кучекъ. Да и не однихъ солдатъ грызла тяжелая тоска. Гурко ходилъ понуря голову, безпрестанно подходилъ къ зрительной трубѣ, постоянно лежавшей на большомъ камнѣ, и отхо-

диль отъ нея, насупивъ брови больше прежняго. Ходилъ и я поглядѣть, не заговорило ли сердце у Аргутинскаго, не подымается ли по Ходжалмахинской дорогѣ пыль отъ его многочисленной кавалеріи; не образумился ли Пассекъ, «по своему личному благоусмотрѣнію», и не чернѣютъ ли его батальоны на Гоцатлинской горѣ—и все напрасно! Пылило по дорогѣ, и на горѣ показывались темныя кучи, только не намъ на радость: то были Лезгины, прибывавшіе къ Шамилю или уходившіе изъ его скопища.

Вокругъ Гергебиля тѣмъ временемъ безъ умолку трещали ружья и гремѣли орудія; раза два въ теченіе дня огонь усиливался, подымался страшный крикъ, и потомъ наступала кратковременная тишина—значить штурмовали крѣпость, и штурмъ былъ отбитъ. Но одного взгляда въ глубину котловины было достаточно для того, чтобы увѣриться, что дѣло быстрыми шагами приближалось къ грустной развязкѣ.

На третіе сутки, часа два до заката солнца, Гурко позвалъ меня въ свою палатку и показалъ мнѣ письмо отъ Аргутинскаго, только что привезенное Татаринкомъ, съ трудомъ успѣвшимъ спастись отъ непріятельской погони. Увѣдомлялъ Аргутинскій, что, вернувшись въ Казикумыхъ, немедленно распустилъ войска на зимовыя квартиры—и поэтому не въ состояніи ихъ собрать и придти къ Гергебилю раньше восьми дней. Посланный пріѣхалъ къ намъ въ двое сутокъ, значить приходилось еще шесть дней ожидать прихода Аргутинскаго, и участь Гергебиля могла рѣшиться съ часу на часъ. «Теперь намъ остается только, предоставивъ Гергебилскій гарнизонъ своей участи, кратчайшимъ путемъ идти къ Темиръ-Ханъ-Шурѣ», сказалъ мнѣ Владимиръ Осиповичъ; «жертвуя Гергебилемъ, спасаемъ весь край и тысячи солдатъ. Сегодня же уходимъ, когда совершенно смеркнется».

Былъ онъ правъ: намъ, послѣ извѣщенія Аргутинскаго, только и оставалось уходить, прежде чѣмъ Шамиль, покончивъ съ крѣпостью, насъ окружитъ на безводной горѣ или запретъ въ глубокой Аймякской долинѣ. По одному вопросу, когда и куда намъ слѣдуетъ отступить, оказалось нѣкоторое разнорѣчіе. Убѣдительно просилъ я: во первыхъ, не отступать ночью; во вторыхъ, не мѣшая, отдать приказаніе Пассеку, очистивъ Хунзахъ и забравъ по дорогѣ войска изъ промежуточныхъ укрѣпленій, чрезъ Зияны идти къ Бурундухъ-Кале; въ-третьихъ, намъ самимъ вмѣсто Темиръ-Ханъ-Шуры также двинуться въ Бурундухъ-Кале на встрѣчу Пассеку (иначе Шамиль, какъ позже и случилось), ставъ между нами и Пассекомъ, не пропуститъ его чрезъ Бурундухъ-кальское ущелье. Вмѣстѣ съ Аварскимъ отрядомъ мы располагали десятию батальонами, съ которыми на плоскости уже можно было потягаться съ Шамилевскими толпами. Отъ нашего бивуака на Гергебилъ-

свой горѣ пролежала къ Бурундухъ-Кале выючная, дѣйствительно очень головоломная тропинка; но я положительнo зналъ, что по ней вѣзять конные Лезгинны, слѣдственно можно пройти и намъ съ выючнымъ обозомъ и одной горной артиллеріей. Имѣя въ своемъ распоряженіи надежнаго проводника, я ручался головой, что (только днемъ, а не ночью) благополучно проведу отрядъ по этой дорогѣ. Предложенія моего Гурко не принимая, объявить, что дѣло окончательно рѣшено между нимъ и Клуке, и онъ не признастъ возможнымъ измѣнить свое рѣшеніе.

Поехалъ я предъ нашимъ уходомъ еще разъ взглянуть на Гергебиаль. Сумерки мѣшали точно разглядѣть, что происходило около крѣпости; вѣрно было только то, что близокъ ея послѣдній часъ: еще одинъ приступъ, и долженъ былъ наступить конецъ. Непріятель подошелъ къ самому брустверу; изъ крѣпости едва отвѣчали на ускоренный непріятельскій огонь—въ крѣпости неоставало пороху, слишкомъ мало людей оставалось въ живыхъ. Судьба Гергебиаль рѣшилась прежде еще чѣмъ нашъ отрядъ покинулъ гору. Совсѣмъ уже смерклось, войска стали выходить на дорогу, какъ въ Гергебиальской котловинѣ вдругъ зажеглись и заклокотали ровно въ растопленномъ горнилѣ; ружейные выстрѣлы, пушечные удары, визгъ и гамъ слились въ одинъ продолжительный гулъ; потомъ все затихло, и огонь болѣе не возобновлялся, какъ бывало послѣ отбитаго штурма. Гергебиаль палъ, и подъ его развалинами погибло болѣе семи сотъ Русскихъ солдатъ вмѣстѣ со своимъ храбрымъ командиромъ, майоромъ Шагановымъ *). Изъ всего гарнизона остался въ живыхъ штабсъ-капитанъ Платенъ и поручикъ Щедро, котораго въ лазаретѣ спасъ Русскій бѣглый солдатъ его роты, назвавъ его Лезгинамъ солдатомъ, своимъ землякомъ.

*) Много лѣтъ спустя, уже за границей, попалось мнѣ на глаза описаніе Дагестанскихъ происшествій того времени, составленное ген. шт. офицеромъ Околыничимъ, въ которомъ Гергебиальскій гарнизонъ показанъ: сначала, состоявшимъ изъ двухъ ротъ Тифлискаго полка—316 чел., потомъ изъ двухъ съ половиною ротъ—100 чел. Мнѣ же извѣстно, что во время нашего обратнаго движенія изъ Аваріи въ Темиръ-Ханъ-Шуру генералъ Гурко оставилъ въ Гергебиаль двѣ роты, позже отправилъ туда два полевыхъ орудія, и Клуке 29 Ноября послалъ еще двѣ роты. Не могу сказать, дошли ли онѣ или принуждены были остановиться въ Аймякахъ; на горѣ у насъ говорилось о семисотенномъ гарнизонѣ. Но о потеряхъ мнѣ трудно говорить совершенно положительно; въ распоряженіяхъ существовало мало единства въ тѣ времена. Глядя, въ какомъ расположеніи духа находилось начальство, войска передвигались то чрезъ мою канцелярію, то чрезъ полковника Вишкова, то чрезъ Клуке; кромѣ того на Кавказѣ вкрался тогда обычай зачастую приписывать и отписывать потери отъ одного дѣла къ другому—для уравнинія убыли людей и въ видахъ хозяйственной прибыли. Околыничій также показалъ, будто Гергебиаль непріятелемъ былъ взятъ 8-го Ноября, въ 10 часовъ утра, а потому, что Пассекъ въ Хунзахѣ узналъ о взятіи его 7-го числа. Тутъ существуетъ явное противорѣчіе. По моему Гергебиаль погибъ 5-го вечеромъ. *Примѣчаніе рассказчика.*

IV.

Ночь была темная, хоть глазъ выколи; въ десяти шагахъ нельзя было разглядѣть человѣка, когда мы по узкой, змѣею извивавшейся тропинкѣ стали спускаться къ Аймякамъ. Къ счастью еще склонъ горы, по которому мы шли, представлялъ совершенно гладкую, хотя и каменистую поверхность, безъ выдающихся скалъ и безъ крутыхъ обрывовъ. Не съ блестящими надеждами поднимались мы ночью на Гергебильскую гору, и ночью же, горемъ убитые, съ нея спускались. Сердито перебранивались солдаты, толкая другъ друга на тропинкѣ, не позволявшей рядомъ идти тремъ человѣкамъ; скрытый страхъ гналъ ихъ подъ гору подальше отъ Шамиля, порѣшившаго Гергебиль, о чемъ они успѣли провѣдать, не смотря на всѣ наши предосторожности скрыты отъ нихъ случившееся. Туземная кавалерія, наши व्यюки и верховыя лошади засвѣтло еще были отправлены по дорогѣ въ Оглы; при пѣхотѣ оставались одни патронные ящики и на व्यюки уложенныя горныя орудія; व्यюкамъ приказано было, поднявшись на гору, отдѣлявшую Оглы отъ Аймяковъ, подъ прикрытіемъ одной роты, ждать нашего прихода; верховымъ лошадямъ остановиться въ Аймякахъ, при Тифлисскомъ батальонѣ.

Въ головѣ колонны шелъ Клуке съ однимъ адъютантомъ и съ двумя проводниками изъ окрестныхъ жителей; шаговъ сорокъ отъ него ощупью пробирался Гурко по горѣ, а за нимъ шли офицеры, принадлежавшіе къ штабу его. Благополучно сдѣлали мы двѣ трети нашего пути, какъ совершенно неожиданно изъ глубины ночнаго мрака трубою послѣдняго пришествія прозвучалъ голосъ Клуке.

— Измѣна! Измѣна!

Проводники, пользуясь темнотою, покинули его собственнымъ чувствомъ отыскивать дорогу.

— Измѣна, повторилъ Гурко густымъ басомъ.

Не знаю, многимъ ли привелось испытать, а я тутъ на дѣлѣ узналъ, какое дѣйствіе можетъ произвести на солдата слово измѣна, ускользнувшее изъ устъ начальника, въ темную ночь, непріятель за плечами, а подъ ногами незнакомая кручь. Немного существуетъ людей, надъ которыми страхъ не имѣетъ власти, т. е. которые въ минуту самаго сильнаго испуга не теряютъ памяти и разсудка; большинство увлекается паническимъ страхомъ; и намъ, вслѣдствіе двухъ генеральскихъ возгласовъ, слѣдовало того-же ожидать. Не успѣлъ Гурко опомниться, какъ я, въ свою очередь, ему крикнулъ: «*A présent sauvons nous, mon général!*» Анничковъ подхватилъ его съ одной, я съ другой

стороны, и мы втроемъ, сидя, съѣхали подъ гору. А тѣмъ временемъ выше насъ, съ гамомъ, стукомъ и грохотомъ, съ горы покатылся живою обвалъ, люди въ перемежку съ лошадьми, орудіями, зарядными и патронными ящиками. Ткнулись мы ногами въ ручей, генерала перекинули на другой берегъ, сами перескочили, и тутъ только намъ позволено было считать себя въ безопасности; а слѣдомъ за нами безостановочно лѣтели въ ручей орудія, лошади, ящики и на салазкахъ съѣзжали солдаты.

Разбрелся весь отрядъ по долинкамъ; повсюду раздавались клики ротныхъ командировъ, фельдфебелей и унтеръ-офицеровъ, которые собирали людей, потерявшихъ свои части. Гурко со штабомъ своимъ остановился въ виноградникѣ близъ селенія, куда привели верховыхъ лошадей, гдѣ разложили огни и принялись устраивать ночлегъ. Обѣщали мнѣ остаться на мѣстѣ до утра. Не прошло получаса, какъ съ горъ стали изрѣдка стрѣлять по нашимъ огнямъ; жители окрестныхъ Татарскихъ деревень рассчитывали приготовить себѣ отъ Шамиля благосклонный приемъ.

Нѣсколько въ сторонѣ, у тускло-горѣвшаго костра, пригорюнившись, сидѣлъ мой юный, судьбою маленько избалованный родственникъ; чай, шубу, табакъ съ вьюками увезли на гору; сидѣть было ему холодно, прилечь жестко, печѣмъ согрѣться. Вздумалось мнѣ помочь горю его. Пѣхотный батальонъ давно стоялъ въ Аймякахъ, Кавказцы люди умѣлые, навѣрное найдемъ у нихъ все то чего у насъ не достаетъ; я повелъ изыбшаго въ Лезгинскій домъ, занятый пѣхотными офицерами, и дѣйствительно не ошибся: нашелъ даже лучше, чѣмъ ожидалъ. Въ просторной комнатѣ, устланной циновками и коврами, батальонный командиръ и человекъ десять офицеровъ сидѣли за чаемъ; въ каминѣ пылалъ веселый огонь, а предъ огнемъ бурчали котелки, на шомполахъ куски шашлыка вертѣлись надъ жаромъ, и, о диво! пахло даже душистымъ ромомъ. Съ холоднаго надворья намъ показалось такъ тепло и уютно, хоть вѣкъ тутъ оставайся. Радужно встрѣтили насъ добрые товарищи, накормили, напоили и уложили спать. Кругомъ стоялъ цѣлый батальонъ. Гурко обѣщалъ ночь провести въ Аймякахъ: чего жъ было опасаться? Шестеро сутокъ я не зналъ кровли надъ собой, не раздѣвался и не снималъ сапогъ; можно вообразить, съ какимъ удовольствіемъ я снялъ сырое платье, промокшую грязную обувь, накрывшись чѣмъ одолжили запасливые офицеры, и заснулъ легкимъ, пріятнымъ сномъ. Но видно судьбою было опредѣлено мнѣ не знать покоя; часу не прошло какъ меня стали будить: казакъ прибѣжалъ отъ командующаго войсками; приказали пожаловать, не мѣшкая ни минуты!

Одѣлся я, накинулъ шубку и пошелъ, мысленно проѣзжая свою горькую долю.

Генерала я засталъ возлѣ огня, въ разговорѣ съ молодымъ нехотнымъ офицеромъ; казаки держали въ поводу верховыхъ лошадей, хоть сейчасъ садись; кучками и порознь, прижавшись къ каменнымъ стѣнкамъ, покрытые дырявыми шинелями, лежали усталые солдаты: въ темнотѣ мелькали стальнымъ блескомъ ряды въ калы составленныхъ ружей.

Издалека еще Владимиръ Осиповичъ встрѣтилъ меня упрямкомъ: „Mais que faites-vous donc, avez-vous deux têtes à perdre? S'éloigner de nous, se déshabiller, se coucher, en y mettant encore de la partie votre cousin: mais c'est une imprudence impardonnable!“

— „Sous quel rapport, mon général? Nous nous sommes mis à dormir au milieu d'un bataillon, pas aisé d'arriver jusqu'à nous; j'espère qu'en cas d'alerte nous aurions eu tout le tems de mettre nos bottes!“

— „Trêve des plaisanteries“, съ сердцемъ возразить Гурко: vous ne vous doutez donc pas que l'ennemi nous a tourné, et à l'heure qu'il est occupe déjà notre ligne de retraite?

— „Impossible, mon général.“

— „Comment impossible! Parlez, prince: faites donc entendre raison à cet incrédule.“

Молодой офицеръ былъ князь Васильчиковъ, недавно присланный на Кавказъ искушать какія-то сердечныя прегрѣшенія.

Васильчиковъ было заговорить по-русски, я остановилъ его: — Parlez français, je vous prie; on écoute de tout côté, et il n'est pas sans danger de laisser arriver aux oreilles des soldats qu'on suppose être trahi ou tourné. Quelle raison avez-vous de croire que l'ennemi se trouve déjà en arrière de nous?“

— Placé dans le fond de la vallée, au pied de la montagne qui nous sépare d'Ogly, en observation avec une vingtaine d'hommes, moi et mes soldats nous avons entendu rouler des pierres de la hauteur: après cela on nous a tiré plusieurs coups de feu, et même un de mes hommes a eu le malheur d'être tué.

— Tout cela ne prouve encore rien. Ce sont nos chevaux de bat qui font rouler des pierres du haut de la montagne, et les coups de feu sont tirés par les habitants des environs. De la troupe de Chamyl pas un homme n'a eu le tems de gagner la route d'Ogly après avoir appris notre départ pas avant dix heures. A présent il n'y a qu'une heure; je connais le terrain, et je sais quel circuit ils ont à faire pour

nous tourner. Nous avons encore bien de tems devant nous pour nous retirer sans risquer d'être pris à dos; ainsi rassurez vous.

Гурко слушалъ насъ, кое-гдѣ выѣшивая Французское словцо. Вдругъ онъ перемѣнилъ языкъ; моя увѣренность его раздражила.—«Господинъ капитанъ», сказалъ онъ по-русски, тономъ начальника:—«возьмите отъ ближайшаго батальона двѣнадцать человѣкъ охотниковъ и откройте мнѣ дорогу, по которой намъ слѣдуетъ подняться на гору». Это было служебное приказаніе, отъ котораго, признаться, меня обдало какъ кипяткомъ, но которому слѣдовало повиноваться безъ отговорки. На Кавказѣ, гдѣ неожиданною опасностью угрожалъ каждый кустъ, каждый камень, гдѣ непріятель выросталъ изъ земли, гдѣ завидѣвъ мохнатую шапку никакъ нельзя было угадать на чьей головѣ она сидитъ, на мирной или немирной, да еще въ глухую ночь, подобнаго рода рекогносцировки были не въ обычаѣ; но Гурко тогда еще судить и распоряжался по правиламъ тактики принятой для Европейской войны, а мнѣ не принадлежало право его учить.

— Слушаю, отвѣчалъ я, и глазами сталъ искать, откуда бы взять охотниковъ, а тутъ какъ разъ случился гвардейскій уланскій поручикъ Бонтанъ, которому временно было поручено командовать ротой Кабардинскаго полка. Кабардинцы славилась на Кавказѣ своею смѣлостью; я попросилъ Бонтана вызвать изъ своей роты назначенное число людей.

Бонтанъ выстроилъ роту, два раза повторилъ вызовъ; но ни одинъ человѣкъ не откликнулся—жутко показалось. Солдаты лучше меня съ генераломъ знали, чего стоитъ подобнаго рода ночная прогулка за бороду ловить царя-невидимку, и что тутъ-то за каждымъ камнемъ и сидитъ поганый Татаринъ который только и наровитъ какъ бы Русскаго человѣка подстрѣлить.

— Нѣтъ охотниковъ, такъ съ праваго фланга отсчитайте двѣнадцать человѣкъ съ унтеръ-офицеромъ, сказалъ я Бонтану, и скомандовалъ, когда люди вышли—два человѣка впередъ-маршъ!

Ружья на перевѣсъ, закрывъ ихъ шинелями, чтобы стволы не блещли, избѣгая даже громко ступать, двинулась моя команда. Солдаты, понимая, что насъ погнали ни на кой прокъ, шли неохотно; патрульные то и дѣло останавливались. Стало мнѣ досадно, и я съ моимъ казакомъ Самарскимъ пошелъ впереди команды. На мнѣ была бѣлая, въ темнотѣ легко замѣтная нагольная шубка; пришла мнѣ мысль ее скинуть, но потомъ я раздумалъ: дурное впечатлѣніе произведетъ на солдатъ. Сначала все шло хорошо; версты двѣ мы прокрались, не замѣтивъ ничего подозрительнаго—всюду мертвая тишина, предъ собой

ни зги не видать. Вдругъ насъ освѣтило будто молніей, грянули выстрѣлы, и пули просвистали надъ нашими головами. Это неожиданное привѣтствіе, признаться сказать, заставило меня сдѣлать сильный прыжокъ не впередъ, а назадъ; но вспомнивъ, что отрядъ разбѣлся по всей долинѣ и можетъ статься нашъ же секретъ, не видя въ кого, стрѣляетъ на шорохъ, я остановился и крикнулъ что было мочи:

— Не стрѣляй, свой!

Въ отвѣтъ, почти въ упоръ, изъ-за скалы снова грянуло нѣсколько выстрѣловъ.

— Отвѣчай! скомандовалъ я—и солдаты залпомъ разрядили ружья въ непроницаемую темь.

Не зная сколько человѣкъ предъ нами и гдѣ они прячутся, я пріостановилъ команду и соображалъ, подаваться ли намъ впередъ или слѣдуетъ порученіе мое считать исполненнымъ. Вдругъ за нами послышался конской топотъ. Скакалъ Василій Ивановичъ Муравьевъ съ полусотнею линейскихъ казаковъ, имѣя приказаніе насъ вернуть.

Этимъ, безъ всякой бѣды, кончилась моя ночная прогулка.

Вернувшись я снова повторилъ, что по моему мнѣнію стрѣляютъ жители изъ окрестныхъ деревень, а не Шамилевскіе Лезгины, которые, будучи въ силахъ, не стали бы тратить пороха понапрасну, а просто бы окружили и перерѣзали мою маленькую команду. Не смотря на мое объясненіе, Владимиръ Осиповичъ все-таки приказалъ двинуться еще до разсвѣта.

До половины подъема на гору мы дошли безъ сопротивленія; но когда наступило утро, непріятель сталъ прибывать со всехъ сторонъ, завязалась горячая перестрѣлка, и аріергардной цѣпи не разъ приходилось довольно туго.

Находился я въ крайнемъ аріергардѣ, который, поднявшись на гору, пріостановился, дабы главной колоннѣ дать время построиться въ порядокъ, когда Бибиковъ мнѣ привезъ приказаніе написать Пасеку отъ имени командующаго войсками, чтобы онъ тотчасъ-же, безотговорочно, очистилъ Хунзахъ и, забравъ по дорогѣ остальные части своего отряда, чрезъ Зиряны форсированнымъ маршемъ прибылъ въ Темиръ-Ханъ-Шуру. Для пущей вѣрности, приказаніе, трипlicateмъ написанное, должно было отослаться чрезъ трехъ Татаръ-лазутчиковъ, которыхъ Бибиковъ тутъ-же отдалъ въ мое распоряженіе. Минуты не позволено было промедлить отсылкою этого поздняго, но по расчету времени и обстоятельствъ еще весьма удобоисполнимаго приказанія. Гонцы-Татары, изъ среды нашего отряда, могли прямо проѣхать въ Аварію только съ того мѣста, на которомъ еще держался нашъ аріер-

гардъ, дальше таже дорога должна была перейти въ непріятельскія руки. Легли мы съ писаремъ на бурку и стали писать въ двѣ руки. Тѣмъ временемъ непріятель гикнулъ, пули посыпались. Это бы не бѣда, а сѣверно было, что цѣпь не устояла, и мы мгновенно очутились впереди нашихъ застрѣльщиковъ. Волокомъ спасая бурку, перья въ зубахъ, въ рукахъ чернилица и полудовершенныя записки, мы отбѣжали назадъ и снова принялись писать. Черезъ десять минутъ повторилась таже исторія. Напрасно уговаривали мы стрѣлковъ постоять за себя и за насъ; непріятель былъ въ силахъ и насѣдалъ уже очень крѣпко; принуждены были разсыпать резервъ, и тогда только мнѣ и моему писарю возможно было безъ помѣхи дописать наши посланія. Помню короткое содержаніе записки: «Гергебиль вчера вечеромъ взятъ непріателемъ, а мы отступаемъ въ Темиръ-Ханъ-Шуру. По приказанію командующаго войсками прошу ваше высокоблагородіе, съ полученія сего, безотговорочно, уничтоживъ всѣ военные запасы, очистить Хунзахъ и забравъ войска по дорогѣ, чрезъ Зиряны, форсированнымъ маршемъ идти въ Темиръ-Ханъ-Шуру. Приказалъ В. О. еще прибавить, что за неисполненіе этого приказанія, въ его буквальномъ смыслѣ, вы рискуете подвергнуться самой строжайшей отвѣтственности. Съ похода. «Близъ с. Оглы. 6 Ноября 1843 года». Затѣмъ слѣдовала моя подпись. Лазутчики, засунувъ по экземпляру этого приказанія въ дуло своихъ ружей, стремглавъ ускакали по дорогѣ въ Араканы, откуда имъ не трудно было проѣхать въ Аварію.

На горѣ мы вышли на просторную равнину, окруженную остроконечными скалами. Непріятель, успѣвшій собраться въ довольно значительномъ числѣ, пользуясь для него удобною мѣстностью, атаковалъ насъ со всѣхъ сторонъ; въ аріергардѣ и въ боковыхъ прикрытіяхъ перестрѣлка не умолкала. Вдругъ находившаяся при насъ Мехтулинская конница понеслась въ атаку, вслѣдъ за нею помчались Шамхалыцы; шаговъ на триста отскакавъ отъ нашей пѣхоты, вся ватага сдѣлала быстрый поворотъ и разрядили ружья, не въ непріятеля, а прямо въ насъ. Обратио прискакалъ одинъ ханскій братъ, провожаемый выстрѣлами своихъ вѣрныхъ нукеровъ. Что же? Развѣ можно было другаго ожидать послѣ нашего перваго понятнаго шага? Благочестивые Мусульмане только исполнили долгъ вѣры и совѣсти: отъ нечистыхъ Гуровъ, обреченныхъ Аллахомъ, казалось имъ, на поголовное истребленіе, они передались на сторону своей правовѣрной братіи, направляемой Святимъ Имамомъ къ земной побѣдѣ и къ райскому блаженству. Хорошо еще, что дѣло разыгралось днемъ, а не ночью; то-то бы они кутерьмы надѣлали!

Быстро исполненная измѣна Татарской копницы не только не смутила, но еще озлобила солдатъ; пустивъ въ нее бѣглый огонь, они ударили въ штыки и такъ ловко проучили непріятеля, что онъ тутъ-же отказался дальше насъ преслѣдовать.

Вечеромъ того-же дня прибыли мы на урочище Гаркасъ, гдѣ была расположена штабъ-квартира Дагестанскаго 14-го линейнаго баталіона. Войскамъ требовалось отдохнуть и кромѣ того забрать и увезти имущество и семейства женатыхъ солдатъ. Тутъ мнѣ было поручено, пользуясь дневкой, составить подробное донесеніе обо всемъ происходившемъ въ послѣднее время. Въ палаткѣ у генерала, за его походнымъ столомъ, принялся я составлять длинную реляцію, напрягая мозги, какъ бы вышло менѣе неблаговидно. Ни въ какія времена я себя не считавалъ ловкимъ писакой, а вѣчно меня писать заставляли; да къ тому еще какія умопомрачительныя вещи! Пока я придумывалъ чтò надо написать и о чемъ лучше промолчать, Владимиръ Осиповичъ лежалъ на своей походной кровати, изъ-подъ пера бралъ у меня исписанные листы, читалъ, поправлялъ, прибавлялъ, отмѣнялъ. Въ ближайшей солдатской избушкѣ тѣмъ временемъ мой писарь переписывалъ на-бѣло. Предъ вечеромъ моя работа была окончена, оставалось только переписать актъ Гергебильскаго военнаго совѣта, когда генералъ вышелъ изъ палатки, и полъ часа спустя вошелъ Михаилъ Николаевичъ Бибииковъ. Поглядѣвъ нѣкоторое время на мою возню съ бумагами, онъ мнѣ предложилъ выйти,—отъ скучной, утомительной работы отдохнуть на свѣжемъ воздухѣ.

Прошлись мы предъ палаткой, а потомъ присѣли на бугорокъ глядѣть на горы, по которымъ переливались багровые лучи заходящаго осенняго солнца. Сперва Бибииковъ заговорилъ о нашемъ дѣйствительно невеселомъ положеніи и что оно грозитъ продлиться еще, Богъ вѣсть, сколько времени; потомъ перешелъ къ семейнымъ воспоминаніямъ—онъ также былъ женатъ—и вдругъ спросилъ: «Скажите по правдѣ, желали бы вы въ скоромъ времени повидаться съ вашею супругою? Году не прошло что вы женились, а все врозь. Кажись, такое дѣло можно уладить. Генералъ, какъ мнѣ извѣстно, намѣренъ съ послѣднимъ донесеніемъ отправить въ Тифлисъ лицо, которое бы въ состояніи было на словахъ объяснить корпусному командиру все то, чего нельзя было высказать на бумагѣ. Первая мысль Владимира Осиповича была послать вашего двоюроднаго брата, но я самъ его отговорилъ: молодъ онъ, неопытенъ, Шамиль на носу, край волнуется; случись съ нимъ въ дорогѣ несчастіе, не раздѣлаешься съ папинькой и съ маминькой, а вамъ подобное дѣло не въ диковину. Чтоже, хотите?»

Съ первыѣ словъ я понялъ, къ чему Бибиковъ приговаривается; но, не показывая виду, будто понимаю, простодушно спросилъ:

— Какъ же это можно уладить?

— А вотъ какъ: сдѣлайте угодное генералу и намъ всѣмъ, участникамъ Гергебильскаго военнаго совѣта, вычеркните вторую условную половину вашего мнѣнія, и я первый возьмусь упросить генерала доставить вамъ случай повидаться съ супругой. Въ тоже время вы избавитесь отъ скучной и продолжительной осады въ Темиръ-Ханъ-Шуръ, которой мы не избѣгнемъ. Шамиль двинулся слѣдомъ за нами, и вы сами знаете, что намъ нѣтъ другаго исхода какъ запереться въ крѣпости и ждать помощи, которую вы же убѣдите корпуснаго командира намъ прислать съ линіи.

— Отчего Владимиръ Осиповичъ, съ которымъ я глазъ на глазъ просидѣлъ цѣлый день, мнѣ самъ не сдѣлалъ этого предложенія?

— Понимаете, ему неловко: пожалуй, откажете; прежде надо знать, согласны ли вы.

— Такъ скажите же Владимиру Осиповичу, что нечего было ему сомнѣваться въ моемъ согласіи; скажите ему, что я «дѣло» ставлю выше своей личной амбиціи; служу какъ умѣю, говорю какъ думаю, но ничего, безъ нужды, не хочу подводить подъ непріятности. Чего не сдѣлали, теперь поправить нельзя. Безъ всякаго условія покоряюсь желанію генерала, а отъ его воли зависитъ послать въ Тифлисъ кого угодно. Предложить мнѣ, еще подумаю: дѣло имѣетъ свою опасную сторону.

Позвалъ я писаря, вычеркнувъ вторую половину моего мнѣнія, приказалъ немедленно переписать бумагу, разнести къ господамъ для подписи, и когда дѣло было сдѣлано, при Бибиковѣ разорвалъ въ клочки оригинальный, карандашемъ написанный актъ.

Съ Владимиромъ Осиповичемъ объ этомъ дѣлѣ у насъ и разговора не было.

Одинъ плодъ мнѣ принесла моя уступчивость. Много времени спустя, до меня дошло, будто Государь Николай Павловичъ, читая актъ Гергебильскаго военнаго совѣта, воскликнулъ: «Одинъ между ними былъ молодецъ, мой Ковалевскій, а прочіе сплеховали!».

Петръ Петровичъ Ковалевскій дѣйствительно былъ отличный человекъ, славный товарищъ, храбрый и честный офицеръ, но въ этомъ случаѣ, смѣю сказать, маленько согрѣшилъ противу здраваго смысла.

На другой день, оставивъ позади себя нами сожженные Гаркасскія казармы, минуя Казанинци, мы вступили въ Темиръ-Ханъ-Шуру, и я тотчасъ же принялся за приготовленіе дубликата мною написаннаго донесенія въ три разныя стороны, въ Тифлисъ, въ Петербургъ и въ

Ставрополь. При благонадежномъ сообщеніи можно было бы обойтись и безъ этого; но въ ту минуту такая предосторожность была положительно необходима. Послѣ обѣда, за чашкою кофе, въ своемъ кабинетѣ Гурко сдѣлалъ мнѣ предложеніе проѣхать въ Тифлисъ съ бумагами. Дѣло становилось небезопаснымъ: съ часу на часъ ожидали въ Казанищахъ, подѣ самую Темиръ-Ханъ-Шурую, прихода передовыхъ Лезгинскихъ толпицъ изъ-подъ Гергебиля; Шамхальцы того только и ожидали, чтобы открыто возстать противу Русской власти, а давно уже пакостили намъ тайкомъ; но я не задумался принять порученіе, надѣясь на свое счастье, не разъ позволявшее мнѣ миновать опасности гораздо хуже.

Бибиковъ, вѣчное ему спасибо, нашелъ для меня смѣлаго и надежнаго проводника; въ конвой назначили мнѣ шесть человекъ Донскихъ казаковъ, но на такихъ изнуренныхъ лошадяхъ—они того же дня верстъ двадцать скокомъ уходили отъ непріятеля—что я троихъ принужденъ былъ оставить въ крѣпости. Приказано мнѣ было ѣхать ночью, для того чтобы скрытно отъ возставшихъ жителей проскользнуть по самой опасной части дороги отъ Темиръ-Ханъ-Шуры до Евдокимовскаго отряда, на Сулакѣ. Около полуночи я пришелъ было откланяться командующему войсками, при чемъ отъ него получилъ приказаніе предъ отъѣздомъ еще разъ сходить къ Клуке, узнать его рѣшительное мнѣніе насчетъ положенія дѣла, возникшаго въ Дагестанѣ вслѣдствіе потери Гергебиля и вторженія Шамилевскихъ скопицъ въ Шамхальство. Это порученіе сдѣлало меня свидѣтелемъ довольно забавной сцены.

Клуке спалъ. Догорающій сальный огарокъ бѣдно освѣщалъ его комнату. Разбудивъ генерала, я поспѣшилъ предложить ему цѣлый рядъ вопросовъ, на которые онъ принялся отвѣчать ни такъ, ни сякъ, понимай какъ угодно. Когда же я его попросилъ, для словеснаго доклада корпусному командиру мнѣ ясно и положительно высказать свое мнѣніе, тогда онъ пришелъ въ неописанную ярость, выскочилъ изъ подъ одѣяла въ одной рубашкѣ, босой, съ бѣлымъ остроконечнымъ колпакомъ на головѣ, и сталъ бѣгать по комнатѣ, прикрикивая: «этихъ! этихъ! Schurken alle miteinander; man muss sie alle hängen! этихъ! этихъ!»

Клуке довольно плохо говорилъ по-русски и имѣлъ привычку къ каждой фразѣ прибавлять—этихъ, этихъ!

О чемъ я ни спрашивалъ, другаго не было мнѣ отвѣта какъ—этихъ! этихъ! man muss sie alle hängen—и бѣготня по комнатѣ только усиливалась.

Наконецъ, видя, что толку не добыю, я ему замѣтилъ: «Herr General, kennen Sie aber den Spruch: die Nürrenberger hängen nur den,

den sie haben; wir haben sie nicht, sie sind aber nahe dran uns zu haben, und so sie uns bei dieser Gelegenheit alle baumeln lassen. Was dann?»

Этотъ «резонументъ» его сразилъ. Онъ остановился, подумалъ и смущеннымъ голосомъ отвѣчалъ—«Sie könnten wirklich Recht haben; aber—этихъ! этихъ! verdienen sie doch alle gehängt zu werden; aller verdammte Schurken und nichts mehr!»

Дальше нечего было спрашивать, и мнѣ только оставалось уйти отъ храбраго генерала, у котораго сердце было крѣпкое. а голова, къ сожалѣнію, не столько же крѣпко организована.

Вернувшись домой (стоялъ я тогда въ такъ называемомъ форштатѣ) меня взяло раздумье, дѣйствительно ли безопасно ѣхать ночью? Въ темнотѣ, за десять шаговъ ничего не видя, можно сглупа побѣжать отъ трехъ человѣкъ, или заѣхать въ средину огромной толпы: даромъ какъ барана зарѣжутъ; днемъ по крайней мѣрѣ издалека видно, велика ли опасность, и какъ, и куда отъ нея можно уйти. Проводникъ мой былъ того же мнѣнія, и мы поэтому, задавъ лошадамъ двойную порцію овса, легли отдохнуть до утра. До зари еще я пошелъ къ Гуркѣ объявить, что не выѣхалъ ночью, а ѣду сію минуту. Его принуждены были разбудить, и едва онъ глаза раскрылъ, какъ на меня градомъ посыпались упрёки.

— «Vous êtes un homme perdu, je vous vois la tête tranchée; vous m'avez désobéi, vous n'avez pas profité de la nuit pour vous dérober à l'attention de l'ennemi, qui occupe déjà Kazanischtsché!—Казанинцы лежали въ четырехъ верстахъ на Югѣ, а моя дорога изъ крѣпости вела на Сѣверъ. «Si un malheur vous arrive, toute la responsabilité retombe sur vous, je m'en lave les mains. Au moins tâchez de sauver les dépêches, dont l'importance vous est bien connue».

— «Soyez tranquille au sujet des dépêches, et j'espère qu'à moi même rien n'arrivera. Que Dieu vous garde, mon général!»—отвѣчалъ я и пошелъ къ лошадамъ.

Мои три линейскихъ казака не чувствовали себя отъ радости со мною проѣхать на линію, къ своимъ семьямъ; они знали, что я ихъ немедленно распущу по домамъ. И я на нихъ болѣе всего рассчитывалъ на случай встрѣчи съ непріятелемъ: живы они останутся, буду живъ и я. Донцы были также ребята не плѣхіе; да лошади ихъ уже очень поморены, а по Донской же поговоркѣ: казакъ воюетъ не конемъ, а конемъ.

До Султанъ Янги-Юрта, около котораго съ отрядомъ стоялъ Евдокимовъ (въ послѣдствіи покоритель-истребитель Черкесскихъ племенъ праваго фланга Кавказской линіи, за что пожалованъ былъ графомъ)

считалось шестьдесятъ верстъ, каковыя слѣдовало проѣхать безъ остановки. Казанищи, въ которыхъ уже хозяйничали Шамилевскіе Лезгины, оставались у меня за спиной; но не дальше версты разстоянія намъ приходилось проѣхать мимо Кяфиръ-Кумыка, Шахмальскаго селенія, лежавшаго на высотѣ, съ которой наша дорога была видна на далекое протяженіе. Можно было полагать, что Кяфиръ-Кумыкцы не упустятъ случая погнаться за нами, и въ такомъ разѣ наше спасеніе главнымъ образомъ зависѣло отъ быстроты и силы нашихъ коней. У моихъ линейцевъ лошади были хороши и сыты, а подо мной шагала мой неутомимый «Сѣрый», султанскаго завода, про котораго я зналъ, что уже не выдастъ, коли придется уходить.

У крѣпостныхъ воротъ мы на мгновеніе остановились; каждому линейцу я отдалъ по экземпляру донесенія, одинъ экземпляръ спряталъ къ себѣ за пазуху и обратился къ казакамъ:

—«Ребята, у нѣкоторыхъ изъ насъ кони поморены, но это ничего не значитъ; мы должны тянуть, пока они въ силахъ ступать. Дорога не наша жизнь, дороги бумаги, которыя веземъ; поэтому никого поджидать не стану. Пристала у кого лошадь, оставайся на дорогѣ, ложись за камень и спасайся какъ знаешь. Встрѣтимъ непріятеля въ небольшомъ числѣ, бьемъ на проломъ; покажется не по нашимъ силамъ, идемъ на утекъ въ разныя стороны. У кого конвертъ за пазухой, жди пока лошадь не упадетъ, потомъ пѣшій уходи въ лѣсъ, въ гору, по ночамъ пробирайся до линіи, или до ближайшей крѣпости, и начальству сдай бумаги. Теперь съ Богомъ, неторопливымъ шагомъ!»

Перекрестились казаки и плетью ударили по лошадямъ.

Когда мы поравнялись съ Кяфиръ-Кумыкомъ, возлѣ аула появилась сперва одинъ, потомъ другой, потомъ третій всадникъ, грянулъ сигнальный выстрѣлъ; насъ замѣтили и, видимо, готовились устроить потюю. Шли мы, не прибавляя шагу. Самое вѣрное средство быть настигнутымъ заключается въ преждевременномъ утомленіи лошадей ненужною скоростью. Въ такомъ разѣ всегда надо принаравливаться къ соду погони: шагомъ, такъ шагомъ, погнались рысью, самъ уходи на рысяхъ, а поскакали за тобой, такъ скачи, не жалѣя коня.

Неожиданно наблюдавшіе за нами конные Татары опрометью кинулись въ аулъ, а вдали послышалась живая перестрѣлка; гнаться за нами не думали.

Что за причина, подумалъ я, могла ихъ заставить отказаться отъ такого удобнаго случая убить нѣсколько Русскихъ и, пожалуй, Памилю живымъ представить Русскаго офицера, очевидно посланнаго на линію съ какимъ нибудь очень важнымъ порученіемъ! Позже, когда

я снова сошелся съ просидѣвшими въ Темиръ-Ханъ-Шуринской блокадѣ, мнѣ объяснилась эта загадка.

Гуси, говорятъ, Римъ спасли; да и мнѣ они оказали жизнеспасительную услугу. Въ одномъ Кяфиръ-Кумыкѣ, не считая другихъ близкихъ деревень, могло собраться до пятидесяти человекъ весьма добронныхъ Татаръ, съ которыми намъ, восмерымъ, едвали можно было совладать; вѣроятно они бы насъ перебили; но тутъ намъ на помощь явилось обстоятельство, всецѣло возникшее изъ за гусей.

Генераль Клуке, во время еще своего непоколебимаго господства надъ Шахмалыцами, отдалъ Кяфиръ-Кумыкскимъ жителямъ на воспитаніе и на прокормленіе весьма большое стадо гусей. Въ виду предстоявшей осады, требовавшей заготовленія всякаго рода продовольственныхъ припасовъ, онъ вспомнилъ о своихъ гусяхъ и послалъ за ними цѣлый батальонъ. Пока я выѣзжалъ изъ однихъ крѣпостныхъ воротъ, изъ другихъ выступилъ батальонъ по направленію къ Кяфиръ-Кумыку. Всадники, наблюдавшіе за нами, да и всѣ прочіе Кяфиръ-Кумыкцы, вообразивъ, что Русскіе атакуютъ аулъ, бросились, одни драться, другіе спасать семейства и имущество, а обо мнѣ въ суматохѣ совершенно забыли. Батальонъ потерялъ около сорока человекъ, завладѣлъ однако гусинымъ стадомъ и въ цѣлости доставилъ его въ крѣпость. Тѣмъ временемъ я успѣлъ уйти такъ далеко, что нечего было гнаться за нами. За то Клуке и всѣ, имѣвшіе удовольствіе пользоваться его гостепріимствомъ, къ продолженію пятидневной Темиръ-Ханъ-Шуринской блокады, только и питались мясомъ моихъ спасителей.

Мой смѣлый и расторопный Поповъ на ружейный выстрѣлъ ѣхалъ впередъ, поглядывая во всѣ стороны. Не доѣзжая бывшаго Евгеніевскаго укрѣпленія, дорога пролегла густымъ лѣсомъ. Предъ лѣсомъ Поповъ круто остановился, выкинулъ маякъ и прискакалъ къ намъ во весь опоръ—въ лѣсу кишить народъ, рыжія Лезгинскія шапки!

Мы остановились. Чтѣ дѣлать? Чтобы узнать, много ли, надо выманить изъ лѣсу. Линейцы спѣшили, выхватили ружья изъ чехловъ, и мы медленно стали подвигаться впередъ. Въ лѣсной опушкѣ показались конные Лезгины, столпились, потолковали и потомъ поѣхали къ намъ на встрѣчу. Насчитали мы одиннадцать человекъ, немногимъ больше нашего; на спѣшенныхъ, значитъ, едва ли бросятся: знаютъ, что казацкая винтовка бьетъ въ упоръ не хуже Черкесской. Медленно сѣзжались мы, не спуская глазъ съ противника. На разстояніи дальняго ружейнаго выстрѣла одинъ человекъ отделился отъ противной партіи, подскочилъ, не хватаясь за ружье, и прокричалъ ломанымъ Русскимъ языкомъ—«ѣдетъ Джамаль, кунакъ; проситъ, чтобы офицеръ пріѣхалъ на средину для разговора».

Джамаль, Чиркеевскій старшина, умница и большой плутъ, былъ мой давнишній знакомый; не разъ, въ Темиръ-Ханъ-Шуръ, мнѣ приходилось вести съ нимъ разные переговоры. Согласился я выѣхать впередъ. Казаки меня удерживали: «не ѡзжайте, старый плутъ, вѣрить нельзя, какъ разъ убьютъ!» Но все таки я выѣхалъ. Джамаль отдѣлился отъ своихъ спутниковъ, подѣхалъ, и мы заговорили.

— Какъ радъ, что повстрѣчались, сказалъ Джамаль, — куда ѣдешь? Какъ мало у тебя казаковъ, будь остороженъ: по дорогѣ много ходитъ недобрыхъ людей.

— Спасибо за добрый совѣтъ. Ёду я къ Евдокимову; а ты куда?

— Въ Темиръ-Ханъ-Шуру, къ твоему доброму генералу.

— Какъ ты скоро узналъ, что онъ опять сидитъ въ Темиръ-Ханъ-Шуръ. Полагаю, также знаешь что случилось съ Гергебилемъ, и кто теперь въ Казанищахъ усѣлся на мѣсто Шахмала.

— Знаю. Затѣмъ и ёду, чтобы твоему генералу доказать, что Джамаль любитъ Русскихъ, и Чиркей Шамилю не слуга.

— Прекрасно, могу только похвалить!

Джамаль принялъ меня въ свои объятія. «Прощай, да хранить тебя Аллахъ!» А въ его маленькихъ, плутовскихъ глазахъ свѣтилось какъ у блудливой копки; такъ крѣпко, такъ нѣжно тебя люблю, что не будь твоихъ проклятыхъ казаковъ, съ винтовками наготовѣ, кажись, не выпустилъ бы изъ своихъ объятій.

— Теперь, сказалъ я Джамалу, — проѣзжай мимо, приказавъ твоимъ спутникамъ не шалить, ибо мы къ шуткамъ не расположены; а коли тебѣ не удастся проникнуть въ Темиръ-Ханъ-Шуру (ворота, я знаю, крѣпко заперты, и много тамъ солдатъ съ большими пушками) такъ не забудь въ Казанищахъ Шамилю отъ меня поклониться.

— Всегда шутишь, отвѣтилъ Джамаль, замысловато улынувшись.

Не на нашей улицѣ былъ праздникъ: я зналъ, что Джамаль ѣдетъ прямо къ Шамилю, а не къ моему генералу.

Осторожно, съ непрерывною оглядкой, разѣхались мы въ противоположныя стороны. Сильна была вѣра въ нашу обоюдную дружбу, а все-таки вѣрнѣе было уберегъ отъ свинцоваго поцѣлуя въ спину, пущеннаго на разставанье.

Между лѣсомъ и Мятлинскою переправой на Сулакъ мы наѣхали на совершенно свѣжую «сакму»: пять или шесть сотъ коней прошли поперекъ нашей дороги изъ горъ на плоскость, до насъ не дальше полусутокъ. Какъ мы позже узнали, Шугибъ-Мулла этимъ путемъ съ значительною партіею Чеченцовъ ночью прошелъ къ Низовому укрѣпленію. Какое счастье, что я, послушавшись Гурко, выѣхалъ днемъ, а не ночью: прямо угодили бы мы въ середину Чеченцовъ, и тогда бы дѣй-

ствительно сбылось его предсказаніе «видѣть меня безъ головы». Самъ онъ такъ крѣпко былъ увѣренъ въ моей гибели, что, не получая обо мнѣ никакого извѣстія, запискою, посланною чрезъ лазутчика, сообщилъ прямо въ Петербургъ, будто я зарѣзанъ тѣми же Чеченцами, которыхъ миновалъ я, благодаря моему послушанію.

Тѣмъ не кончились однако мои путевыя приключенія.

Отдохнувъ часа два и хорошенько накормивъ лошадей въ отрядѣ у Евдокимова, я въ тотъ-же вечеръ поѣхалъ въ Кази-Юртъ подъ прикрытіемъ уже двадцати пяти Гребенскихъ казаковъ. Ночь была темная, холодная, туманная. Дорога верстъ на десять пролежала глухимъ лѣсомъ. Два Султанъ-Янги-Юртовскихъ Татарина служили намъ проводниками. Заѣхали мы въ лѣсъ, въ которомъ по причинѣ темноты и густаго тумана нельзя было видѣть ушей своего коня. Казаки охватили меня со всѣхъ сторонъ; предо мной, чтобы мнѣ дороги не потерять, ѣхалъ казакъ на бѣлой лошади и въ бѣломъ башлыкѣ; проводники открывали дорогу въ головѣ команды; два расторопныхъ казака сидѣли у нихъ на хвосту, винтовки на-голо, чтобы въ случаѣ чего всадить имъ пулю между плечъ. Въ это смутное время никому изъ жителей нельзя было довѣрить живой Русской души. Въ глубинѣ лѣса мы стали замѣчать, что наши Татары что-то неохотно ѣдутъ впереди и, пользуясь темнотою, стараются незамѣтнымъ образомъ пропускать казаковъ впередъ себя. Это обстоятельство возбудило въ насъ подозрѣніе, не знаютъ ли они, что въ лѣсу скрывается непріятель и поэтому поводу прячутся отъ первыхъ выстрѣловъ. Не показывая виду, что насъ начинаютъ брать сомнѣніе, мы ихъ только снова выдвигали впередъ, когда они забивались въ средину команды, и уговаривали добросовѣстно вести по настоящей дорогѣ, за что получаютъ хорошую денежную награду. Съ каждымъ шагомъ однако дорога становилась тѣснѣе, огромныя деревья ее загораживали, ямы, кочки, пни, направо, налѣво; лошади спотыкались, казаки падали; наконецъ мы заѣхали въ такую трущобу, что конямъ ходу не стало.

— Что тамъ заѣхались! Передовые иди, не останавливаться! крикнулъ казачій офицеръ.

— Проводники, говорятъ, дорогу потеряли; туманъ, темно, ничего нельзя видѣть, отвѣчали спереди.

— Пустяки, нарочито завели—шепнулъ офицеръ—прикажете?

— Только обезоружить, да снять съ лошадей, ничего больше.

Офицеръ сказалъ два слова уряднику.

Мгновенно оба Татарина очутились на землѣ, безъ ружей, руки стянутыя за спину. Подвели ихъ ко мнѣ; нашелся казакъ-переводчикъ.

— Вы Янги-Юртовскіе уроженцы; повѣрити не могу, чтобы отъ

тумана потеряли дорогу: чай зажмуря, глаза привыкли ходить по своему родному лѣсу; ведите добромъ, награду получите, а не то плохо вамъ будетъ.

— Не знаемъ, гдѣ мы, вести не можемъ, одинъ шайтанъ знаетъ, куда мы забрели въ такую темь. Другаго отвѣта отъ нихъ нельзя было добиться.

— Не знаете какъ впередъ вести, такъ ведите обратно въ Султанъ-Янги-Юртъ.

— И этого не можемъ; всякую дорогу въ лѣсу потеряли.

Терпѣнія не стало.—Взведи курки, приложись, жди команды! и по два дула уперлось въ грудь каждому Татарину.

— Теперь безъ отговорки ведите обратно, или прикажу убить какъ собакъ, и тѣла здѣсь же бросить волкамъ на съядѣніе!

— Убей! Аллахъ въ твои руки отдастъ наши головы; а вести не знаемъ, унывно затанули они. Лай-илай-иль-Аллахъ, Шегедень-Магомедень...

На что убивать, подумалось мнѣ; отъ этого легче намъ не станетъ, кровь ихъ на дорогу не выведетъ.—Хорошо, сказалъ я,— послѣ развѣдаемся, и приказалъ, посадивъ на коней, покрѣпче привязать къ сѣдлу.

Составили мы совѣтъ съ офицеромъ и урядникомъ что предпринять. Послѣ похода съ проводниками заночевать въ лѣсу казалось далеко не безопаснымъ. Полагать должно, партія скрывается; но велика ли?. Кромѣ того сыро, холодно, сами померзнемъ да лошадей уморимъ; а какъ выбраться изъ совершенно незнакомой трущобы, ума не приложишь.

Пока мы совѣтовались, поистинѣ не зная чѣмъ дѣло порѣшить, подъѣхалъ Поповъ.—Федоръ Федоровичъ, сказалъ онъ,—моя лошадь, когда мы стояли въ Янги-Юртѣ, по вашей милости, ѣла тамъ овесь. Она умный звѣрь, помнить мѣсто гдѣ ей хорошо было, дорогу найдетъ; прикажи командѣ ѣхать за мной. Не находя другаго способа, мы рѣшились поручить себя чутью умнаго коня.

Поповъ выѣхалъ на болѣе чистое мѣсто, закружилъ свою лошадь, бросилъ поводья, ударилъ плетью, и крикнулъ—за мной, только не отставай!

Напрямикъ, чрезъ кусты и буераки, пошла Попова лошадь; мы всѣ грускомъ за нею, такъ быстро шагала она, огибая пни и деревья, при чемъ никакъ не теряла сначала принятаго направленія. Часа два промаявшись въ лѣсу, мы выѣхали на открытое мѣсто и увидали предъ собой вдали свѣтившіеся огни Евдокимовскаго отряда. Вывезла насъ Попова лошадь, за что въ отрядѣ и была награждена двойною дачею

овса. Проводниковъ я приказалъ тутъ-же развязать и отпустить на волю Божью. Евдокимову сдать значило поставить ихъ подъ висѣлицу; а я никогда не былъ сторонникомъ бесполезныхъ казней, и однимъ врагомъ меньше, однимъ больше не могло ни усилить, ни подорвать Русской власти.

У Евдокимова переночевавъ, на другое утро, съ тѣмъ же конвоемъ, благополучно я доѣхалъ до Кази-Юрта, гдѣ мнѣ сообщили, что въ окрестностяхъ дѣйствительно рыщутъ многочисленныя непріятельскія партіи, и въ ту же ночь съ Камбулатовскаго поста были похищены пятьдесятъ Донскихъ казачьихъ лошадей. Супруга подполковника Евдокимова, жившая въ Кази-Юртѣ по сосѣдству съ мужемъ, испуганная броженіемъ охватившимъ весь край, обратилась ко мнѣ съ просьбой доставить ей возможность съ моимъ конвоемъ доѣхать до Кизляра, гдѣ, казалось, существовало менѣе опасности. Въ прикрытіе же мнѣ были даны, по распоряженію Кази-Юртовскаго комендата, одна пѣхотная рота и тридцать казаковъ, при двухъ орудіяхъ. Холодъ замѣтно усилился; день нашего выступленія отличался особеннымъ ненастьемъ: мокрый туманъ лежалъ на степи, то поливало насъ дождемъ, то засыпало снѣгомъ. Евдокимова съ молодою служанкою, изъ плѣнныхъ Чеченокъ, ѣхала въ маленькой бричкѣ; лошадьми правилъ деньщикъ; во время пути мнѣ случалось садиться къ нимъ на облучекъ, но большею частью я ѣхалъ верхомъ. Поздно вечеромъ подошли мы къ Магометову посту, сдѣлавъ болѣе тридцати верстъ. Кромѣ навѣса для лошадей и биткомъ натисканной казачей казармы турлучной постройки, въ открытомъ полѣ, торчала одинокая мазанка «для проѣзжающихъ». Евдокимова заняла ту мазанку, предоставивъ мнѣ ночевать въ бричкѣ, содержавшей довольно значительный запасъ подушекъ и ковровъ. Солдаты расположились въ степи вокругъ скудныхъ огоньковъ. Дождь и снѣгъ, которымъ я подвергался въ теченіи всего перехода, промочили меня до рубашки, негдѣ было обсушиться; пришлось мокрому улечься въ бричкѣ, обложивъ себя подушками и накрывшись коврами госпожи Евдокимовой. На первыхъ порахъ я заснулъ тяжелымъ сномъ, но скоро проснулся; разбудили меня невыносимыя страданія. Ночью хватилъ сильный морозъ, рубашка примерзла къ тѣлу, остальное платье ледяною броней сковывало окоченѣвшіе члены. Хочу приподняться—силы нѣтъ; хочу крикнуть—голосу не достаетъ; руки, ноги не шевелятся, языкъ одеревенѣлъ. Сдѣлавъ я отчаянное усиліе, какой-то хриплый звукъ вырвался изъ гортани; солдаты, безъ сна лежавшіе возлѣ сосѣдняго огня, вообразили, что меня рѣжетъ прокравшійся Чеченецъ, схватили ружья и опрометью кинулись къ бричкѣ. Снекнувъ какая оказія мнѣ приключилась, они поспѣшили меня вытащить изъ брички и при-

нялись оттирать въ нѣсколько рукъ, срывая мерзлое платье. Прибѣжалъ Поповъ, взглянулъ и, долго не думая, поднялъ такой стукъ въ двери мазанки, какимъ мертваго можно было на ноги поставить.

— Нельзя, мы раздѣты, откликнулись изъ за дверей. Но это нисколько не остановило Попова; онъ продолжалъ стучать и кричать во весь голосъ: «Не въ томъ дѣло, сударыни, одѣты вы, или неодѣты; а дѣло въ томъ, что Ѳеодоръ Ѳеодоровичъ замерзъ и не пустите такъ, пожалуй, не доведемъ его до Кизляра въ живомъ видѣ».

— Дайте только время шубы накинуть.

Черезъ мгновеніе двери растворились, меня ввели. Поповъ понакидалъ дровъ на тлѣвшіеся еще угли, вспыхнуло огромное пламя. Евдокимова со своею служанкой, однѣ шубы на плечахъ, откинувъ въ сторону всякое неумѣстное жеманство, принялись готовить чай. Мой распорядительный казакъ однако не далъ имъ долго трудиться.

— Еще имѣемъ къ вамъ покорнѣйшую просьбу, обратился онъ къ госпожѣ Евдокимовой: изволили впустить, хотѣ и раздѣмшись, такъ чтобы ваша добродѣтель безъ проку не оказалась, не благоугодно ли будетъ предоставить Ѳеодора Ѳеодоровича нашему съ Ивашинымъ усмотрѣнію, а вашей милости съ дѣвонькою лечь лицомъ къ стѣнѣ, головки одѣяльцомъ накрыть, и не глядѣть что мы станемъ дѣлать.

Когда Евдокимова согласилась на это предложеніе, тогда казаки раздѣли меня до нельзя, окружили одѣяломъ, накрыли шубой, мокрое бѣлье развѣсили около огня, и объявили, что таперича опять можно глядѣть въ мою сторону, пока не примутся меня одѣвать.

Къ утру я успѣлъ согрѣться, выступила даже легкая испарина, и дѣло обошлось для меня безъ горячки и безъ воспаленія. По поводу этаго приключенія мы двинулись въ походъ нѣсколько позже обыкновеннаго, и Евдокимова не позволила мнѣ ѣхать верхомъ, а усадила въ бричку между собою и служанкой. На дорогѣ встрѣтили мы Армянина, бѣжавшаго съ женою и съ дѣтьми изъ Тарковъ, отъ котораго узнали, что непріятель большими силами атаковалъ Низовое укрѣпленіе, служившее складочнымъ пунктомъ провіанта, моремъ привозимаго изъ Россіи для Дагестанскихъ войскъ, что гарнизонъ храбро отбивается, но будетъ ли въ силахъ устоять, сказать нельзя, потому что число осаждающихъ безпрестанно умножается и даже носится слухъ, будто Шамиль намѣренъ имъ прислать орудія, дѣйствовавшія противу Гергебиля. Приѣхавъ въ Кизляръ, я не мѣшая написалъ объ этомъ генералу Фрейтагу, командиру лѣваго фланга Кавказской линіи, сообщивъ ему при томъ, въ какомъ положеніи оставилъ я Гурку въ Темиръ-Ханъ-Шурѣ, чего, по забывчивости, не сдѣлали, отправляя меня въ дорогу. Донесеніе мое я отправилъ къ Фрейтагу по летучкѣ въ кр. Грозную, а самъ

стремглавъ поскакалъ въ Тифлисъ по почтовой дорогѣ, пролегавшей черезъ казачьи станицы вверхъ по лѣвому берегу Терека.

Скакалъ я въ почтовой телегѣ по глубокимъ мерзлымъ колеямъ грунтовой дороги, никогда не извѣдавшей ни лопаты, ни кирки, и доскакался до совершенной невозможности продолжать путешествіе въ телѣгѣ, именуемой костоломнымъ снадобьемъ. Въ Екатериноградской станицѣ Горскаго казачьяго полка, полковой командиръ князь Георгій Эристовъ предложилъ мнѣ свой тарантасъ для дальнѣйшаго слѣдованія. Пока справляли тарантасъ и пока готовили ужинъ, которымъ предполагалось меня накормить, я прилежъ на широкій Турецкій диванъ и заснулъ тяжелымъ непробуднымъ сномъ. Не помню, какъ у меня взяли по дорожную, деньги и уложили въ тарантасъ. Очнулся я предъ самымъ Владикавказомъ, проѣхавъ болѣе десяти часовъ безъ чувства и безъ сознанія. На Военно-грузинской дорогѣ мой тарантасъ, прыгая по камнямъ ровно живой, сталъ кряхтѣть и стонать; сначала слетѣлъ задній сундукъ, потомъ отвалились козла, казакъ и ямщикъ принуждены были держаться на торчкѣ, расшатался кузовъ, его стянули веревкой, а я все продолжалъ скакать, и къ вечеру другаго дня подскакалъ къ Тифлису. Предчувствовалъ я, какая неласковая встрѣча мнѣ готовится. Я тутъ на лицо, живъ и невредимъ, а сына нѣтъ. Гдѣ онъ? Чтò съ нимъ? Къ счастью еще въ моемъ карманѣ лежало отъ него письмо, служившее живымъ отвѣтомъ на эти предвидѣнные вопросы.

На Тифлисской заставѣ, несогласно съ обычаемъ курьерской ѣзды, я приказалъ подвязать колоколь лѣкъ, и въ тихомолку, безъ звона, подѣхалъ къ дому корпуснаго командира. Всѣ окна были освѣщены по случаю пріемнаго вечера. Въ первой, безлюдной залѣ я засталъ молодого ординарца, князя Эристова, которому и наказалъ, никому постороннему не говоря, тихонько доложить о моемъ пріѣздѣ г-ну корпусному командиру.

Вышелъ корпусный командиръ—онъ же мнѣ родной дядя—не любезно на меня посмотрѣлъ и пошелъ въ свой рабочій кабинетъ; а я за нимъ.

Привѣтствовалъ онъ меня не весьма поощрительными словами: — Зачѣмъ пріѣхалъ и чтò привезъ, говори!

Я положилъ на столъ объемистый конвертъ—въ донесеніи все сказано.

— Извѣстно тебѣ содержаніе?

— Полагаю; самъ писалъ.

— Такъ говори!

— Гергебиль погибъ со всѣмъ гарнизономъ; Шамиль двинулся въ Шамхальство; генераль Гурко блокированъ въ Темиръ-Ханъ-Шуръ;

Пассекъ отрѣзанъ, и гдѣ находится въ настоящую минуту, мнѣ неизвѣстно; весь Сѣверный Дагестанъ возсталъ; Низовое укрѣпленіе атаковано; съ трудомъ пробрался изъ Темиръ-Ханъ-Шуры на линію; а послѣ меня, думаю, заяцъ не проскочить.

Корпусный командиръ опустилъ голову, минуты двѣ просидѣлъ въ глубокомъ молчаніи, а потомъ недовольнымъ голосомъ спросилъ: — Зачѣмъ Гурко прислалъ именно тебя, а не другаго.

— Потому что дѣла мнѣ коротко извѣстны, и я имѣю возможность положительно отвѣчать на всѣ вопросы, которые бы вы вздумали мнѣ предложить.

— Нѣтъ, должна существовать другая причина; твое мѣсто при Гуркѣ, ты ему нуженъ; завтра же ступай назадъ!

— Съ десятью батальонами можно, а одинъ не проѣду; да и Гуркъ мало проку будетъ отъ меня одного.

— Хочу! ступай назадъ, сердито крикнулъ онъ; а батальоновъ мнѣ негдѣ взять: въ Тифлисѣ на караулы не достасть.

— Прикажете, поѣду; но развѣ для того только чтобы безъ всякой пользы засѣсть въ Кизлярѣ или въ Казн-Юртѣ. Кромѣ того, пускай въ вашемъ же присутствіи любой докторъ рѣшитъ, въ силахъ ли я предпринять новое путешествіе: едва держусь на ногахъ.

Дядя морщился. Горе его трогало меня—не онъ напуталъ, а ему выпало на долю распутывать чужую бессмыслицу, отвѣчать за чужіе грѣхи. Но чѣмъ же я былъ виноватъ?

— Хорошо, оставайся! Тутъ дядь только спросилъ: — А Борисъ?

— Въ Темиръ-Ханъ-Шурѣ, живъ и здоровъ, вотъ письмо отъ него.

Взялъ онъ письмо и не распечатавъ положилъ къ прочимъ бумагамъ. Въ головѣ у него бродило: Дагестанъ, Гурко, Пассекъ, Низовое; гдѣ взять способы имъ помочь? Теперь, сказалъ онъ, пройди къ женѣ въ комнату, минуя гостиную, наполненную людьми, а я пойду къ гостямъ и пришлю ее. Сегодня никто не долженъ знать о твоёмъ приѣздѣ; завтра же на базарѣ станутъ рассказывать Дагестанскія происшествія. Армянскіе лавочники, бываетъ, раньше меня узнаютъ что творится въ краѣ.

Въ дальней комнатѣ, при тускломъ свѣтѣ ночной лампы, сидѣлся я съ женой послѣ тяжелой четырехмѣсячной разлуки; а тѣмъ временемъ разряженныя красавицы и любезники разноязычнаго Тифлискаго общества продолжали мѣняться многозначущими взглядами, щебетать и шаркать въ ярко освѣщенныхъ залахъ. Потомъ двоюродныя сестры (было ихъ четыре), урываясь отъ гостей, стали прибѣгать со мною поздороваться и узнать о братѣ.

На другой же день корпусный командиръ, А. И. Нейдгартъ уѣ-

халъ на линію, въ Екатериноградскую станицу, чтобы сблизиться съ мѣстомъ происшествій, и туда вызвалъ на совѣщаніе изъ Ставрополя оберъ-квартирмейстера войскъ на Кавказской линіи, Д. А. Милютина, и изъ кр. Грозной генерала Фрейтага. Нѣсколько дней спустя, я поѣхалъ слѣдомъ за нимъ и въ Екатериноградъ, собираясь дальше ѣхать, пошелъ къ нему явиться и откланяться. Занималъ онъ казачій домъ, состоявшій всего изъ двухъ комнатъ; въ первой изъ нихъ столкнулся я съ Фрейтагомъ, уходившимъ отъ корпуснаго командира. Обрадованные встрѣчей, мы обнялись.

— Ъду въ Темиръ-Ханъ-Шуру выручать Гурку, когда наберу достаточно войска, сказалъ мнѣ Фрейтагъ—хотите со мной?

— Спасибо за любезное предложеніе; другой разъ готовъ имъ воспользоваться, а теперь досыта нагулялся—и безъ всякаго проку для дѣла и для самого себя.

— Понимаю и не стану васъ винить. А у васъ тамъ, что творилось?

— Какъ всегда: благихъ намѣреній полонъ карманъ; а какъ понадобится выложить, да себя показать, такъ руки дрожать—и добра не видать. А здѣсь?

— Таже пѣсня, да на другой ладъ. На мѣсто прямого дѣла хитрые подкопы. Тошно становится.

Не видѣли мы, что во все время нашего разговора корпусный командиръ стоялъ въ полурастворенныхъ дверяхъ своей спальни и слушалъ. Замѣтивъ его присутствіе, Фрейтагъ вышелъ скорыми шагами, а я вошелъ къ Александру Ивановичу.

— Кажется между вами и Фрейтагомъ существуетъ крѣпкая дружба, сказалъ онъ: другъ другу передаете ваши душевные впечатлѣнія?

— Да, отвѣчалъ я, еще съ Польской войны знакомы и дружны. Очень его люблю и уважаю: прямой, благородный человѣкъ, отличный генералъ.

— А мнѣ онъ не сильно понравился.

— Почему, ежели дозволено спросить?

— Много слишкомъ общается; очень самоувѣренъ.

— Чего не можетъ, того и не станетъ общаться; а что общается, то и сдержитъ.

— Сподоби Господь вашими устами медъ пить!

Изъ этихъ немногихъ словъ корпуснаго командира я успѣлъ только замѣтить, что добрые люди постарались Фрейтага уронить въ его глазахъ. Не всѣмъ добрый и честный Робертъ Карловичъ приходился по сердцу. Офицеры готовы за него въ огонь и въ воду; солдаты любятъ какъ роднаго отца; ни предъ кѣмъ спины не гнетъ; безпрестанныя удачи;—вѣдь досадно, и подъ конецъ даже обидно.

А Фрейтагъ и на этотъ разъ отлично исполнилъ все что обѣщалъ. До того уже освободивъ Низовое укрѣпленіе, вслѣдствіе моего увѣдомленія, онъ собралъ послѣднія войска, которыми обстоятельства позволяли располагать на лѣвомъ флангѣ Кавказской линіи, четыре батальона и сотъ шесть казаковъ, двинулся съ ними къ Темиръ-Ханъ-Шурѣ, освободилъ Гурку, и вмѣстѣ съ нимъ пошелъ выручать Пассека, окруженнаго непріятелемъ въ Зирянахъ, гдѣ онъ принужденъ былъ ѣсть конину, и еле-еле отбивался въ виду очевидной опасности погибнуть со всѣмъ своимъ отрядомъ. Попалъ Пассекъ въ западню по собственной винѣ. Приказаніе очистить Хунзахъ и форсированнымъ маршемъ идти въ Темиръ-Ханъ-Шуру, 6-го Ноября, отправленное мною съ Оглинской горы, получилъ онъ на другое утро; и вмѣсто того чтобы выступить въ ту же ночь, какъ приказывалъ Гурко, безъ всякой основательной причины промедлить девять дней, т. е. выступилъ 16-го, а 17-го Хаджи-Муратъ овладѣлъ Бурундухкальскою башней и не пропустилъ его. Отчаянная попытка Пассека прорваться чрезъ эту тѣснину повела только къ тому, что его отрядъ, испытавъ полное пораженіе, былъ отброшенъ къ Зирянамъ, въ долину Койсу. Владимиръ Осиповичъ, сказывали мнѣ потомъ, узнавъ о положеніи, въ которое Пассекъ себя поставилъ, буквально не исполнивъ посланнаго ему приказанія, выходилъ изъ себя, въ порывахъ неукротимаго гнѣва заочно грозилъ его отдать подъ судъ, разжаловать, разстрѣлять; а когда, благодаря Фрейтагу, 17-го Декабря сошелся съ нимъ въ Бурундухъ-Кале, не устоялъ противу слезъ и рыданій, съ которыми Пассекъ бросился его обнимать, какъ своего спасителя, и—все ему простилъ. А затѣмъ Пассекъ не миновалъ своей цѣли: былъ произведенъ въ полковники—должно думать—за послушаніе; за храбрую Зирянскую оборону получилъ Георгія и генеральскій чинъ, когда представилъ краснорѣчиво составленную реляцію о своихъ, въ Аваріи совершенныхъ подвигахъ. Два года спустя, кончилъ онъ свое существованіе отъ Чеченской пули, въ глуши Ичкеринскаго лѣса, во время такъ называемой «сухарной экспедиціи».

Р. К. Фрейтагъ, которому на Кавказѣ выпало на долю всегда кого нибудь выручать (полковника Брусилова, осажденнаго въ Гуріи инсургентами; Гурко, блокированнаго въ Темиръ-Ханъ-Шурѣ; Воронцова, безвыходно застрявшаго въ Ичкеринскомъ лѣсу), прожить дольше. Измученный трудовою жизнью, померъ онъ отъ чахотки въ 1852 году.

А меня, свидѣтеля Гергебильской драмы, пока еще земля продолжаетъ терпѣть.

Вѣла, 20 Октября (1 Ноября) 1880 г.

Т.